

ИГРА ПРОКЛЯТИЙ

В ЗАЛОЖНИКАХ
ИНТРИГ

АДРИАНА МАКСИМОВА

Адриана Максимова

Игра проклятий. В заложниках интриг

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68949633

SelfPub; 2023

Аннотация

Герцог де Брата ищет союзников, чтобы противостоять новой власти, но не знает, кому довериться. Тех, на кого он мог положиться, рядом нет. На границе неспокойно. А мятежники вот-вот захватят столицу. Да и встреча с чародеем не прошла для него бесследно – его начали терзать навязчивые мысли, от которых он никак не может избавиться. Ведь теперь у него есть призрачная надежда освободиться от проклятия, но для этого нужно заплатить цену, на которую он пойти не готов. Только иногда искушение становится настолько сильным, что кажется, устоять невозможно...

Содержание

Глава 1. Клятва врагу Дор	4
Глава 3. Таинственный посетитель Бальтазар	27
Глава 4. Жестокая правда Кордия	40
Глава 5. Чужие секреты Бальтазар	55
Глава 6. Подлый удар Дор	65
Глава 7. Ведьмин чай Кордия	82
Глава 8. Новый союзник Бальтазар	103
Глава 9. Личная беседа Дор	114
Глава 10. Отец и дочь Кордия	125
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Адриана Максимова

Игра проклятий. В заложниках интриг

Глава 1. Клятва врагу | Дор

Дор стоял посреди королевских покоев и смотрел на бесчувственное тело чародея, его лицо и одежду, залитые кровью. Скорпионы, всегда следующие за ним, взяли его в кольцо. Ворон беспокойно кружил над ним, а потом издав глухой звук, опустился к нему на грудь. Герцог нервно сглотнул, понимая, что его ждет такая же участь. Он перевел взгляд на Лейфа. Тот с победоносной усмешкой смотрел на него, вздернув подбородок. В его темных глазах танцевали искры азарта, придавая им слегка безумный блеск. Герцог перевел взгляд на его мать, графиню Локк. Она была само спокойствие и очарование. Смотрела на него по-дружески, но Дор кожей чувствовал, что она с удовольствием вонзила бы ему кинжал в горло. Он судорожно сжал рукоять меча. В голове крутилась только одна мысль: убить их всех – и Лейфа, и его мамашу. Успеет ли он зарубить самозванца, прежде чем графиня использует против него магию? И сработает ли она,

учитывая его проклятие?

– Одно неверное движение, – тихо, но четко произнесла графиня, – и твой лучший друг – а ведь Мариан им является, отправится на тот свет. Мне достаточно щелкнуть пальцами, чтобы сломать ему шею. Хочешь на это посмотреть?

Лейф повернулся к матери, и его лицо озарила улыбка.

– Я только «за»! С радостью посмотрю на смерть этого ублюдка! – потирая руки, сказал он. Дор понял, что до этого момента понятия не имел, что такое настоящая ненависть.

– Не надо, – глядя на едва живого Мариана, сказал он. Графиня Локк подняла руку, собираясь щелкнуть пальцами. – Пожалуйста. Прошу вас.

– Что-то ты вяло просишь, – с сомнением произнес Лейф. – Это вызывает недоверие.

– Чего ты хочешь? Чтобы я встал на колени?

– Мне нравится ход твоих мыслей, только твоего унижения мне мало, – сказал Лейф, откидывая назад волосы. – Я хочу, чтобы ты присягнул мне в верности. Опустился на одно колено и...

– Я знаю, как это делается, – оборвал его Дор. Графиня перевела на него взгляд, все еще держа руку на весу. Мариан тихо простонал, облизывая окровавленные губы. Лейф сделал широкий жест рукой, призывая показать ему это. Герцог неуклюже опустился на одно колено и поднял правую руку. – Я клянусь тебе, мой король, в верности до своего последнего вдоха. И обещаю тебе в любое время дня и ночи исполнить

твой приказ во благо Аталаксии и всех людей, живущих на этой земле.

– Ты сказал это без радости, – поморщился Лейф. – Мне неприятно.

– Лейф, – ледяным тоном произнесла графиня Локк. Она опустила руку и отошла к окну.

– Ладно, – неохотно произнес Лейф. – Я принимаю твою клятву.

– И что дальше? – прохрипел Дор. Лейф смерил его презрительным взглядом. Герцог порадовался, что страх за свою жизнь не дает ему подойти к нему ближе, ведь это смертельно опасно. Хоть какой-то прок от этого проклятия!

– Я приказал тебе привести мою невесту. Почему ты еще здесь? – сурово спросил Лейф. От его слов герцога передернуло. – Неужели Дамьяну приходилось озвучивать свой приказ дважды? Удивительно, что ты так долго остаешься с головой...

– В которой не осталось мозгов, – улыбнулась графиня Локк. – Иначе ты бы не вел себя столь вызывающе.

– Прикажи гвардейцам доставить чародея Мариана в Узкую башню, – сказал Лейф. – Он обвиняется в предательстве против короны. Пытать, выявить всех его сообщников и подвергнуть той же участи. Все понятно?

– Да, ваше величество, – выдавил Дор и чуть не подавился словами. Посмотрел на Лейфа и подумал, что это он должен быть на его месте, это к нему должны так обращаться, но он

упустил этот момент, гоняясь за призраком. – Дело в том, что принцесса Дилена...

– Ступай! – В голосе графини Локк прозвучали металлические нотки. Дор не стал испытывать судьбу и вышел в коридор. У него кружилась голова, сердце билось где-то у горла. Он попытался успокоиться, но, как ни старался, никак не мог взять себя в руки. Перед глазами снова всплыл Мариан, и герцог бросился бежать.

Перескакивая через две ступеньки, он в два прыжка миновал коридор и ворвался в покои чародея. Там на полу, крутя в руках расческу, сидела заплаканная Грета. Она подняла голову и смерила его презрительным взглядом. Тут же встав на ноги и расправив плечи, уставилась на него. Она уже хотела бросить ему в лицо что-то дерзкое, даже рот открыла, но герцог опередил ее.

– Быстро! – закрывая за собой дверь, сказал Дор. – Ты должна помочь Мариану!

– Что случилось? – растерялась Грета.

– Некогда объяснять, – протараторил Дор и тут же выглянул в коридор, чтобы убедиться, что их никто не подслушивает. – Сейчас гвардейцы должны отвезти Мариана в Узкую башню. У тебя есть совсем немного времени, чтобы исцелить его от чужой магии, которая переломала ему все кости.

– Вот тьма! – прошептала Грета, прижимая руки к побледневшим щекам.

– Где Кордия? Возьми ее и идите в лес! Здесь этого лучше

не делать.

– Кордию увел Бальтазар, арестовал ее, – сухо сказала Грета, набрасывая на плечи плащ. – По вашему приказу, между прочим!

Дор непонимающе посмотрел на служанку, но уточнять не стал. Он сам разберется в этом вопросе. Грета схватила саквояж и положила туда пару красный свечей и флакон из темного стекла. Молча обошла герцога и выскочила в коридор.

– Как давно ее увели? – спросил Дор. Девушка обернулась и пожала плечами.

– Где-то час назад. Точно не могу сказать, – ответила Грета и побежала. Дор слышал, как стучат каблуки ее туфель по каменным ступенькам. Он не сомневался в том, что она сделает все, чтобы облегчить участь Мариана. Теперь ему нужно было выполнить приказ короля. Он нехотя двинулся искать капитана гвардейцев. У него не было ни одной идеи, как можно было бы сейчас изменить ход событий, но он знал, что сделает все возможное, чтобы не позволить Лейфу остаться на троне.

Дор возвращался в покои короля, когда к нему подошел встревоженный Штефан. Рыжие волосы растрепаны, ворот рубашки расстегнут, хотя во дворце было прохладно.

– Прибыл первый лорд Касталии, – приблизившись к нему, насколько это было возможно, приглушенным шепотом произнес Штефан. Он дрожал то ли от лихорадки, то ли

от возбуждения. Дор заметил, как трясутся его руки, которые тот поспешил спрятать за спину. – Без супруги, в сопровождении отца и сына Бартонов.

– Твою же мать! – раздосадованно проговорил Дор. У него кипел мозг от количества решений, которых ему сейчас было нужно принять. Он толкнул дверь, ведущую в покои и посмотрел на Лейфа, развалившегося в кресле. Его мать сидела за маленьким туалетным столиком и что-то писала. Перо дрожало в ее изящных пальцах, мягко поскрипывая о бумагу. Мариан по-прежнему лежал без сознания, но его лицо уже не было таким мертвенно-бледным, как прежде.

– Чего тебе? – резко вскинулся Лейф, увидев Дора.

– А то, ваше величество, что к нам пожаловал первый лорд Касталии, и вы должны встретить его с должным почтением, – сказал Дор, с трудом сдерживая злость. Графиня Локк вскинула на него взгляд и прикусила кончик пера.

– Старый добрый Лорен Андреса! – с легким фальцетом произнес Лейф. – Он был так добр ко мне, что позволил убирать дерьмо за своими лошадьми! Как же мне хочется оказать ему добрый прием, который он запомнил бы надолго!

Дор беспомощно посмотрел на графиню. Та поднялась из-за стола и подошла к сыну. Каждое ее движение было изящным, выверенным, словно она исполняла танец. Аристократка. Хищница. Женщина, которая может свести с ума любого. Он вдруг понял, почему барон Трафффорд стал ее сообщником. У него просто не было шансов перед ее харизмой. Гер-

цог тряхнул головой, прогоняя наваждение. «Все это лишь магия», – напомнил он себе.

– Лейф, сейчас не время для детских обид, – холодно произнесла графиня, положив руку ему на плечо.

– Не держи меня за идиота! – раздраженно проговорил Лейф, отстраняясь от матери. Графиня Локк проигнорировала это и протянула сыну камзол, который тот нехотя надел. Откинул назад волосы и поправил манжеты.

– Насколько хорошо первый лорд знал Дамьяна? – спросил Лейф.

– Они встречались лишь однажды, на коронации Дамьяна. Тогда же был подписан мирный договор, – ответил Дор. Его самого тогда во дворце не было, Дамьян решил не пугать гостей присутствием проклятого, поэтому он не мог знать, какие беседы они вели и как могло складываться их общение. Сам король ему об этом ничего не рассказывал, но Лорен Андреса вызывал у него неприятие. Он считал его агрессивным и недалеким, тем, кто оказался у власти случайно и не заслуживал ее.

– Который теперь ничего не значит! – фыркнул Лейф.

– Все, что от тебя сейчас требуется – быть дружелюбным и приятным собеседником, – напомнила ему графиня и посмотрела на Дора.

– Первый лорд знает, что его дочь во дворце, – сказал герцог.

– Дурочка Мальвина никогда не умела держать язык за зу-

бами, – улыбнулась графиня. – Что ж, нам это даже на руку.
– Где Кордия? – спросил Лейф, сверля герцога взглядом.
Дор пожал плечами. Он не успел разобраться, куда ее увел Бальтазар: не было времени, а из того, что сказала Грета, он мало что понял. Когда он последний раз говорил с бывшим разбойником, то дал ему поручение задержать и допросить всех, с кем общался Сабола в течение полугода. При воспоминании о встрече с чародеем у него по коже пробежал озноб, и он тут же выбросил его из головы. Слишком много искушений было в той беседе, чтобы думать о ней с легким сердцем.

– Надеюсь, ты придумаешь интересную историю о том, как это девчонка оказалась во дворце, – криво усмехнувшись, сказал Лейф. Дор заметил, что он нервничает. Неужели Кордия что-то значит для него? Герцогу с трудом в это верилось. – Если упомянешь аукцион ведьм, то ей не жить. Лорен Андреса убьет ее сам, и сделает это не раздумывая. Касталия – территория, свободная от магии. Так что предупреди слуг и своих друзей.

– Поэтому вы уехали оттуда? – посмотрев на графиню, спросил Дор.

– Мой муж предал меня, и я не желала оставаться на той земле, по которой ходит он, – ответила графиня. – Надеюсь, ты оценишь мою откровенность и подобных вопросов больше не будет.

Дор кивнул. Он не сомневался, что узнает о графине Локк

все, только своими методами.

– Первый лорд знает вас?

– Да, – холодно ответила графиня и поджала губы. Дор подумал, что с Лореном ее связывают вовсе не добрые отношения.

В сопровождении Штефана и капитана в покои вошли гвардейцы и подняли Мариана. Что-то выскользнуло у него из кармана и покатилося к ногам герцога. Тот наклонился и поднял черную бусину с гравировкой. Он мгновенно узнал ее, и ему стало тяжело дышать. В последний раз он видел ее очень давно – в тот день, когда он понял, что им с Альбой никогда не суждено быть вместе, когда она застала его над растерзанным трупом своей подруги, той самой девушки в желтом платье, которое продолжала преследовать его в кошмарах.

Кайли. Он знал ее с детства, девчонка была моложе его на три года, и он относился к ней, как к младшей сестре. Дор так и не смог вспомнить, что произошло в ту ночь: может быть, память щадила его, а может, он настолько впал в безумие, что не смог запомнить, что делает. Он тогда еще не понимал, насколько болезнь изменила его и сделала опасным для других. Желтый цвет стал цветом его падения и того, каким чудовищем он стал. И этого Альба тоже никогда не сможет ему простить. Впрочем, как и он самому себе.

Как эта бусина оказалась у чародея? Под ребрами заныло от дурного предчувствия. Дор зажал украшение в кулаке

и посмотрел, как гвардейцы уносят его друга. Что, если это знак? Вот только какой? Ворон, потревоженный посторонними людьми, покружил по покоям короля и опустился на плечо Дора. Скорпионы же преданно последовали за своим хозяином.

– Приведи Кордию! Немедленно! С принцессой Диленой мы разберемся сами, – сказала графиня и вышла из покоев следом за сыном.

Дор скакал во весь опор. Ворон, сперва пытавшийся удержаться когтями на его плече, теперь кружил поблизости, не желая упускать его из вида. Герцог слышал его недовольное карканье и злился на непрошеную компанию. Он знал историю этой птицы и был не особенно рад ее присутствию. Но и прогнать ее тоже не мог. Он чувствовал ответственность за мертвого питомца Мариана.

От слуг герцог узнал, что Бальтазар увез Кордию в Узкую башню. В глубине души он надеялся перехватить их по пути, но, добравшись до середины дороги, понял, что это невозможно: слишком много времени упущено. Кордия, скорее всего, уже на допросе. От мысли, что ее могут пытаться, его передернуло. Что, если ее сильно изувечат? Как тогда объясняться с Первым лордом? Дор скрипнул зубами и постарался прогнать из своего воображения страшные картины.

Но, если учесть бюрократию, такие вещи быстро делаться не должны. Хотя, если за дело взялся Бальтазар... Он с яростью пришпорил и без того взмыленную лошадь.

Первое, что увидел Дор въехав на тюремный двор, – карету с королевским гербом. Она была ему хорошо знакома, и у него не было сомнений, что Кордию привезли в ней. Он спешился и бросил поводья подбежавшему к нему мальчишке. Быстрым шагом герцог двинулся ко входу в Узкую башню, предназначенную для содержания самых могущественных чародеев и ведьм. Тяжелая дверь открылась, и на крыльцо вышел Бальтазар. Ветер тут же разметал его белокурые волосы. Глядя на его очаровательную улыбку и сияющие глаза, сложно было поверить, что этот молодой человек, похожий на аристократа, в прошлом был разбойником и чуть не закончил свои дни на плахе. Форма, в которую он облачился, получив новый статус, несказанно шла ему, придавая ореол серьезности и еще большей романтичности. Подойдя ближе, Дор прочел в его взгляде торжество.

– Где Кордия? – спросил Дор, глядя как Бальтазар изящным движением руки поправляет перчатку.

– Там, где и должна быть: – в допросной, – с недовольством ответил Бальтазар, словно Дор своим приездом разрушил ему какой-то план. – Приехал похлопотать за нее?

– Я запрещаю тебе приближаться к этой девушке, – с трудом сдерживая злость, сказал Дор, – даже если она нарушит все законы Аталаксии! И даже для такого задержания тебе будет нужен именно приказ короля, а не общее распоряжение!

– Дор, ты слишком печешься о какой-то ведьме...

– Эта ведьма – дочь первого лорда Касталии, – понизив голос, сказал Дор, почувствовав удовлетворение от того, как округлились глаза Бальтазара. – Принцесса Кордия неприкосновенна. Она – гостья.

– Кордия убила Мину, – глухо произнес Бальтазар и сжал побелевшие губы, – и должна заплатить за это, кем бы ни являлась.

– Она ее не убивала, – твердо сказал Дор.

– Ты знал? – Бальтазар не смог скрыть разочарования. Пальцы в белых перчатках тут же сжались в кулаки.

– Кордия не убивала Мину, – глядя ему в глаза, повторил Дор. – Это был несчастный случай. Она непричастна к смерти твоей сестры.

Герцог подумал, что хорошо бы сказать Бальтазару правду, но понял, что упустил момент, когда тот, сбежал вниз по ступенькам и подошел к карете. Ведь узнай он, кто убийца Мины, у Дора стало бы на одну проблему меньше, а Аталаксия простилась бы с королем Дамьяном. Вздыхнув, он потянул на себя дверь и вошел внутрь башни.

Запыхавшись, поднявшись по узкой крутой лестнице, Дор оказался в темном коридоре. Здесь было мало света, и факелы горели очень тускло. От камней исходил запах сырости, но, проведя по ним рукой, он не ощутил холодной влаги. Спешно поправил перчатку и двинулся дальше. Поблизости гроыхнула дверь, и ему навстречу вышли два тюремщика, а следом за ними – заключенный. Было слышно, как звенят цепи, в которые тот был закован. Дор остановился и прижался к стене, чтобы никого случайно не задеть.

Когда тюремщики, опасливо сдвинувшись влево, прошли мимо, Дор увидел заключенного, и его сердце забилося так бешено, что зашумело в ушах. Сабола. Он скользнул по герцогу пустым взглядом и улыбнулся разбитыми губами. Его белоснежные зубы окрасились алым.

– Ты обдумал мое предложение? – Дору показалось, что голос чародея прозвучал у него в голове, потому что тот даже не шевельнул губами.

– Здесь не о чем размышлять, – вслух ответил герцог и один из тюремщиков вопросительно покосился на него.

– Ты лицемеришь, герцог, – сказал Сабола и его улыбка стала шире. Прядь светлых волос упала на лоб. Даже сейчас, закованный в кандалы, с ошейником на шее он выглядел угрожающе. Дор ощутил неловкость от его слов, словно его поймали с поличным. Он лицемерил, это было прав-

дой, но он знал, что не сможет заплатить такую цену за свое освобождение от проклятия. Не жизнью Кордии, на это он не сможет согласиться никогда.

– Никогда – это всего лишь подождать чуть дольше, чем хотелось бы, – прошелестел в голове Дора голос Сабола. Огни факелов заплясали у герцога перед глазами. – Ты соблазнишься, уверен, и принесешь мне ее сердце.

Глава 2. Принцесса в башне | Кордия

Кордия сидела на жестком стуле с высокой спинкой и смотрела на свои руки. Ей не нравилось, что пальцы дрожали. Она сжала ими ткань платья, стараясь унять дрожь. Боль тут же прокатилась по всему телу, и она дернулась. Дознаватель, заполнявший бумаги, поднял голову и хмуро посмотрел на нее. Она съежилась от этого взгляда, но тут же совладала с собой и открыто посмотрела ему в лицо. Тот усмехнулся и снова вернулся к бумагам. Кордия облизала пересохшие губы и посмотрела на маленькое окошко, сквозь которое пробивался дневной свет. Она подумала, что вряд ли снова окажется на воле, и пожалела, что у нее нет с собой пузырька с ядом. У нее не хватит мужества заново пережить пытки, а в том, что Бальтазар выберет для нее самые жестокие, она не сомневалась. Вспомнила ненависть в его глазах и почувствовала себя обреченной. Ей не от кого было ждать помощи. Если Дор подписал этот проклятый документ, зна-

чит, он на его стороне, и ему все равно, что с ней будет. Хотя это странно, ведь он знает правду. Но что, если в этом и причина? Ведь избавившись от нее, герцог избавится и от всех проблем, что с ней связаны. Он понимает, что она никогда никому не скажет, кем является, и дочь первого лорда тихо исчезнет с лица земли, словно ее никогда и не было.

Кордия зажмурилась, стараясь сдержать слезы, подступившие к глазам. Она вспомнила отца, который вошел во дворец. Он даже не посмотрел в ее сторону, и она спешно опустила голову, боясь, что их взгляды встретятся. А на самом деле, ей хотелось броситься к нему на шею и попросить спасти ее. Но она знала, что это невозможно. Отец будет первым, кто ее погубит, и никто не сможет ему помешать. Ведь мы и чародеи не имеют права на существование.

Дознаватель о чем-то спросил Кордию, но она не смогла разобрать его слов. Посмотрела на него, ожидая, что он повторит, но тот молчал. Он встал из-за стола и жестом приказал ей подняться.

– Пройдете для испытания, – сказал дознаватель, открывая дверь. Цепи ее наручников жалобно звякнули. Кордия встала и, сделав шаг, едва устояла на ногах – так закружилась голова. Пройти испытания, – значит, подвергнуться пыткам. Как быстро! Даже простого допроса еще не было... Она нервно сглотнула, чувствуя, как внутри все холодеет. Звук тяжелых шагов, показавшийся ей знакомым, заставили Кордию напрячься. Она посмотрела в дверной проем и уви-

дела черную тень, а в воздух наполнился запахом грозы.

– Она пойдет со мной, – остановившись на пороге, сказал Дор и кивнул в сторону Кордии.

– Это невозможно, – ровным голосом проговорил дознаватель, глядя пустым взглядом на визитера. Кажется, ему было все равно, кто перед ним. – Госпожа Роса под арестом.

– Я сам выдал приказ на этот арест и сам же его аннулирую, – сказал Дор, сверля дознавателя взглядом.

– Вы не можете просто так передумать, – возразил тот.

– Могу, – властно произнес Дор, и Кордия невольно улыбнулась. И тут же отвернулась, чтобы он этого не заметил. – Это была ошибка, и я пришлю вам соответствующее распоряжение. Освободите госпожу Росу. Сейчас же.

– Это незаконно... – начал дознаватель и тут же осекся, когда герцог положил руку на рукоять меча, затем молча достал из кармана связку ключей и снял с рук Кордии наручники. Она потеряла запястья, покрытие синими пятнами. Дор жестом указал ей на дверь, и она поспешно вышла. Пройдя несколько шагов вперед, Кордия обернулась, Дор смотрел ей вслед, давая уйти чуть дальше, чтобы двинуться самому. Плотнo запахнув плащ, она быстро зашагала вперед.

Выйдя на крыльцо, Кордия жадно вдохнула холодный воздух, подставляя лицо лучам закатного солнца. Ее все еще

трясло от недавнего пребывания на допросе, и она прижала руки к груди, стараясь успокоить сердце. Она не рискнула использовать здесь магию: кто знает, как ее может отзеркалить защита от волшебных сил?

Кареты, в которой ее привезли в Узкую башню, во дворе не оказалось, и Дор пошел за лошадьми для них. Он не обмолвился с ней ни словом, это немного нервировало ее, но заговаривать с ним первой ей не хотелось. Она подумала о Лейфе. Вряд ли герцог сам скажет ей, как он умер. Но хватит ли у нее мужества задать этот вопрос?

Мальчишка, приведший лошадей, помог Кордии забраться в седло. Она рассеянно взяла в руки поводья и осторожно посмотрела на герцога. Тот сидел, сурово поджав губы, и смотрел вдаль.

– Что ж, – хрипло проговорил Дор. – А теперь давай обсудим, как ты оказалась в Красном дворце. Твой отец должен поверить в эту историю, иначе нам всем конец.

– Это он прислал тебя за мной? – спросила Кордия.

– Лейф, – небрежно ответил Дор и отвернулся, словно чувствуя свою вину. К щекам Кордии прилила кровь, и ей стало тяжело дышать.

– Он жив? – вырвалось у нее.

– Да. И теперь он – король Аталаксии, – с горькой усмешкой, сказал Дор. – Сейчас он принимает твоего отца, и я очень надеюсь, что когда мы вернемся, война еще не будет объявлена.

Кордия шла по дворцовому коридору. От волнения ее тошнило. Дор шел следом, и его присутствие немного придавало ей сил. Он так и не сказал ей, как так вышло, что ее арестовали, из чего она сделала вывод, что это дело рук Бальтазара. А значит, от этого парня можно ждать еще гадостей, раз его месть не удалась. Наступив на подол платья, она чуть не упала. Чудом удержавшись на ногах, уперлась рукой в стену.

– Дор, – тихо сказала она, когда тот подошел ближе, – я не должна возвращаться в Кассию. Я не могу туда вернуться.

– Знаю, – так же тихо ответил Дор, – и я сделаю все, чтобы не отпустить тебя туда.

– Отец умеет приводить доводы, которые сложно опровергнуть, и, он, конечно, будет прав. Я касталийка, и мой дом в Кассии. Мое нахождение тут... оно опасно.

– Я тоже могу быть убедительным, – немного заносчиво сказал Дор.

– Я заметила, – улыбнулась Кордия. Дор засмеялся. Он понял, что она имела ввиду разговор с дознавателем.

– Это было очень смешно, да?

– Немного неуклюже для герцога.

– Я не давал Бальтазару приказ арестовать тебя.

– Он поступил так из-за Мины, – вздохнула Кордия. –

Увидел возможность отомстить и решил не упускать ее. Он нашел ее тело в лесу. Даже представить боюсь, что он пережил в тот момент!

Дор нахмурился, словно вспомнил что-то личное и очень болезненное.

– Я сказал ему правду, что ты дочь первого лорда. Надеюсь, это заставит его держать себя в руках.

– Мне кажется, это не про Бальтазара, – сказала Кордия. – Пойдем, не будем заставлять моего отца ждать. Он от этого свирепеет.

– Постой тут, мне нужно предупредить короля.

Кордия кивнула и, прижавшись спиной к стене, позволила Дору пройти мимо. Глядя ему вслед, думала о том, что сказать отцу. Пыталась представить, как пройдет их встреча. Они не виделись три года, за это время многое могло измениться. Она покусала губы. От волнения Кордии хотелось ходить туда-сюда, и ей стоило больших усилий не дергаться. Лейф жив, и он теперь король. Что будет с Аталаксией? Он ведь дурной, а заняв трон, и вовсе станет тираном. Ей было страшно представить, что может твориться у него в голове. Вспомнив, как он убил Мину, она поежилась. Как пройдут их переговоры с отцом? Лейф наверняка захочет вернуть ему все нанесенные оскорбления...

Дор выглянул в коридор и поманил Кордию к себе. Она выпрямилась и заставила себя шагнуть вперед.

Кордия, едва живая вошла в Золотой зал, где обычно проходили встречи королевских особ. Зал был очень светлый, белые стены украшены золотым орнаментом с дронтами и листьями бессмертника, символизирующими королевскую династию. На небольшом возвышении стоял королевский трон, обтянутый алым бархатом, подлокотники и изголовье украшены золотом и драгоценными камнями.

На фоне шикарной обстановки, Кордия почувствовала себя грязной нищенкой, пропахшей тюрьмой. Отец все поймет, едва взглянет на нее. У нее не было времени даже умыться. Когда она посетовала на это, поднимаясь по лестнице, Дор сказал, что она выглядит приемлемо, а большего и не надо. Ей бы очень хотелось ему верить.

Увидев отца, стоящего посреди залы, Кордия замерла. За те три года, что они не виделись, он не изменился: все такой же моложавый, элегантный. Чуть удлиненная стрижка, яркие светлые глаза, как холодная сталь. Высокий, худощавый, он производил впечатление человека с хорошей физической подготовкой. Она отметила про себя, что Оскар очень похож на него. Может быть, поэтому он не спешил признавать своего незаконного сына: ему не хотелось иметь под боком соперника. Кордия подумала о том, как было бы хорошо, будь ее братья сейчас рядом.

Она перевела взгляд на Лейфа, который что-то с улыбкой рассказывал первому лорду. Он вел себя приветливо и непринужденно, словно роль короля доставляла ему насто-

ящее удовольствие. Корона на его голове смотрелась естественно, словно была сделана лично для него. Заметив Кордию, Лейф просиял, и в его глазах появился озорной огонек.

Спохватившись, она поспешно сделала книксен. До слуха Кордии донеслось ее настоящее имя, которое произнес мажордом. Оно показалось ей чужим, и ей не захотелось на него откликаться. Отец повернулся и посмотрел на нее. Его взгляд был суровым, критичным, словно он не был рад ее видеть, будто убедиться в том, что она жива было делом принципа, а не искренним желанием. Кордии стало страшно и стыдно за то, как она жила три прошлых года. Она опозорила отца, свою семью. Конечно, он все узнает о ее прошлом. Вряд ли, услышав, что она пыталась открыть ад, он поверит, что она не ведьма.

– Господин первый лорд... – проговорила Кордия, боясь посмотреть на отца. Ее голос дрогнул, и дыхание замерло. Отец продолжил молча изучать ее, словно не верил, что перед ним его дочь. Впрочем, эти сомнения ей были вполне понятны, и ей вдруг захотелось, чтобы он признал ее самозванкой, отказался от нее прилюдно. Тогда бы она стала свободной, и ей не нужно было бы возвращаться.

Лейф подошел к Кордии и взял ее за локоть, заставляя выпрямиться. Неслыханная наглость и нарушение этикета! Но ему, конечно же, на это плевать. Сквозь ткань платья Кордия ощутила тепло его пальцев и мягкое поглаживание, от чего ее едва заметно передернуло. Он почувствовал это, и в его

карих глазах отразилась легкая усмешка. Сейчас она была в его власти.

Лейф подвел Кордию к первому лорду и протянул ему ее руку. Тот недоверчиво коснулся ее, и она почувствовала холод его ладони.

– Как приятно смотреть на воссоединение семьи, – с восторгом сказал Лейф, – и осознавать, что ты причастен к этому! Я всегда буду благодарен моим подданным, которые ценой своих жизней спасли принцессу, и она оказалась во дворце.

– Ты узнаешь меня? – спросил Лорен, глядя Кордии в глаза.

– Да, отец, – прошептала Кордия.

Первый лорд мягко коснулся ее щеки и, убрав прядь волос в сторону, заставил повернуть голову. «Он хочет убедиться, что это я», – подумала Кордия, когда пальцы отца коснулись шрама, который она получила по его вине – он уронил ее и она разбила голову.

Снисходительно улыбнувшись, Лорен обнял ее и прижал к груди. Кордия всхлипнула и зажмурилась, вдыхая знакомый запах.

– Я рад, что ты жива, – отстранившись, сказал Лорен и провел руками по ее плечам. Кордия заметила, что у него блестят глаза. На бледных щеках выступили красные пятна. У нее заболело под левым ребром. Отец никогда не показывал своих чувств, но сейчас не смог с ними совладать. – Но

у меня к тебе очень много вопросов и не все они приятные.
– Постараюсь ответить на все, – сказала Кордия. Лорен кивнул.

Подняв голову, она увидела Дора, стоящего у окна. Он едва заметно улыбнулся ей и тут же опустил глаза.

Глава 3. Тайнственный посетитель | Бальтазар

Он обманул его. Предал. Понимал, как он страдает, и молчал, зная правду. Бальтазар бессильно сжал кулаки. Его переполняли горечь и разочарование. Дор казался ему хорошим человеком, тем, с которым он хотел построить деловые отношения и кому он негласно помогал, чтобы вывести врагов на чистую воду. Ради него он шпионил и собирал сведения, надеялся, что герцог оценит это, но вместо благодарности Дор вонзил ему нож в спину. Такое не прощается.

Бальтазар медленно втянул носом воздух, стараясь успокоиться. Карету тряхнуло, когда колесо наскочило на булыжник, и он едва не слетел со скамейки. Успел упереться ладонью в стенку и, дернувшись, откинулся назад. Карета остановилась, а кучер поднял ор, кляня плохую дорогу. Выбравшись наружу, Бальтазар увидел, что колесо сломано. Вот тьма! Стоять и ждать, пока его починят, ему не хотелось. Он дал кучеру денег на ремонт и двинулся вверх по улице.

Шиорония была серо-коричневой. Здания из темного камня чередовались с маленькими и хлипкими постройками, которые сдували важность со своих соседей. Архитектура города была острой, колючей: высокие шпили, высокие

окна. Порой казалось, что она хочет задавить жителей своей надменностью и холодом. Но на деле жителям было все равно. По улице ехали кареты, запряженные лошадьми, работали кузницы, торговые ряды зазывали новых покупателей, из ближайшего храма доносились песнопения.

Дети после уроков бежали из школы, на ходу обсуждая новое знание. Образование в Аталаксии было обязательным. Богатый или бедный должен был окончить три класса школы, чтобы уметь писать, читать и считать. Родителей могли оштрафовать, если они не позволяли ребенку ходить в школу. Если было большое рвение к учебе, бесплатно можно было учиться до пятого класса. Профессиональное обучение уже оплачивалось либо родителями, либо нанимателем. Девочки учились наравне с мальчиками, а вот выбор профессий для них был ограниченным: торговля, ведовство, акушерство, управление хозяйством и творческие науки – вот и весь список. Бальтазар вспомнил, что Мина выбрала управление хозяйством. Как только король приблизил его к себе, бывший разбойник позаботился о том, чтобы сестра пошла учиться.

Форма, которой он так гордился еще вчера, начала тяготить его. Бальтазару хотелось сорвать ее с себя, будто она причиняла ему физическую боль. Он был рад своему новому статусу, это давало ему возможность начать новую жизнь. Но то, что этот шанс дал ему тот, кто знал о смерти Мины и скрыл ее, перечеркивало все. Ему не хотелось думать, что

Дор причастен к гибели его сестры, это было бы уж слишком, но эта мысль все чаще стучалась ему в голову. Он жалел, что слишком мягко обошелся с Кордией и не допросил ее сам, с тем пристрастием, с которым бы ему захотелось.

Закашлявшись от холодного воздуха, Бальтазар остановился. Его взгляд случайно упал на замызганную вывеску трактира. Плотно поесть и выпить вина – это то, что может сейчас ему помочь и вернуть ясность мысли. Он толкнул скрипучую дверь и вошел в полутемное помещение, тускло освещенное свечами: стоял дразнящий запах свежего хлеба и жаркого. Людей было немного, но едва он вошел, как все взгляды устремились на него. Кто-то обругал, кто-то при- свистнул, но большинство изучало его молча. Пожалуй, в такой одежде ему, и правда, тут не место, но еще пару лет назад он был ничуть не лучше, этих мужиков, сидящих здесь.

Жадно сглотнув слюну, Бальтазар сел за свободный стол. Возле него тут же возникли две девицы в открытых платьях, призывающих полюбоваться прекрасными изгибами их плеч и грудями. Он грубо прогнал их. Настроение у него было и без того паршивое, и чужие прикосновения еще сильнее ухудшали его.

– Что желает господин? – подойдя к его столу, спросил трактирщик. Он был невысокого роста, с абсолютно лысой круглой головой и жиденькой козлиной бородкой.

– Рябинового вина, самого лучшего, – сказал Бальтазар, – жаренную индейку с подливкой и пряный хлеб.

– Может быть, господин хотел бы поесть в уединении? Наверху есть комнаты...

– Нет, мне и здесь хорошо, – оборвал трактирщика Бальтазар. – Несите еду.

Трактирщик поклонился и ушел. Бальтазар повернулся к окну, за которым накрапывал дождь. Дни становились все короче, через пару седмиц должна начаться зима. Он вспомнил, как любила снег Мина, и на него снова нахлынула тоска. Она больше его не увидит. Его маленькая девочка, белая, как тот самый снег, больше никогда не сможет радоваться зиме. Он скрипнул зубами от злости, задрал манжет и посмотрел на два рубца на запястье. Один был уже поблекшим, старым, а второй еще алел на воспаленной коже. Две его клятвы отомстить за смерть тех, кто ему был дорог. И он исполнит их, чего бы ему это ни стоило. Даже то, что Кордия – неприкосновенная принцесса, дочь Первого лорда Касталии, – не остановит его.

Если бы это ему сказал не Дор, а кто-то другой, он бы не поверил. Что такого случилось с Кордией, что заставило ее оказаться в Аталаксии? И кем на самом деле может быть Лейф? Что, если он какой-нибудь знатный вельможа в бегах? Ему хотелось немедленно узнать ответы на эти вопросы. А еще ему было интересно, как теперь будут развиваться политические события. Ведь для всех дочь Первого лорда находилась в поездке для поправки здоровья, и ходили слухи, что с каждым днем ей все хуже. Видимо, теперь у нее появился

шанс выздороветь полностью и вернуться домой. Он не позволит ей этого сделать.

– Бальтазар? – услышал он за спиной неуверенный голос. Повернувшись увидел молодого человека в военной форме с нашивкой дракона, высокого, худощавого, с синими глазами и русыми волосами Боевой чародей. Подошедший робко улыбался ему, а Бальтазар не мог вспомнить, где он его видел. В памяти вяло шевельнулось имя – Джулиан.

– Он самый, – сухо ответил Бальтазар. – Чем могу служить?

– Да ничем... Просто рад встрече, – улыбнулся парень. – Я Джулиан Грей, друг Грега Даррелла. Познакомились в прошлом году на охоте.

– Да, что-то припоминаю, – наморщив лоб, ответил Бальтазар. Он не успел ничего сказать, как Джулиан оказался с ним за одним столом и помахал рукой трактирщику.

– Здесь хорошо кормят, – сказал он, снимая перчатки. – Часто тут бываю, когда приезжаю в город. Как дела у Мины? Здорова ли она? Я не получил ответ на свое последнее письмо и забеспокоился.

Бальтазар непонимающе посмотрел на собеседника. Он не знал, что Мина общается с ним, хотя между ними никогда не было секретов. Или просто он так думал?

– Я так полагаю, тебя давно не было в Шиоронии... – медленно проговорил Бальтазар, вглядываясь в лицо молодого человека. Сколько ему? Двадцать три? Двадцать семь? Что

его могло связывать с Миной помимо переписки? И как он сам мог этого не заметить? – И ты не знаешь последних новостей.

– Что-то случилось? – подавшись вперед, спросил Джулиан. Бальтазар выждал паузу, пока трактирщик ставил на стол его обед. – Я не был в столице три месяца. Меня отправили сюда восстановиться после из-за ранения.

– Мина и Грег убиты, – глухо сказал Бальтазар, налил себе вина и залпом осушил бокал. Затем налил второй и протянул его потрясенному новостью Джулиану.

– Как... как это случилось? – расстегивая ворот мундира, прошептал Джулиан.

– Грега убили, когда он вел слезку для герцога, – облизав губы и ощутив на языке терпкий вкус от капелек вина, сказал Бальтазар. – А Мина... Я могу только гадать, что с ней произошло. Когда я ее нашел, тело сестры уже... было не в порядке, и посмертные вспоминая не смог бы восстановить даже самый сильный чародей.

Джулиан закрыл лицо руками и издал глухой стон. Посетители разом повернулись в его сторону.

– Подозреваешь кого-то? – сквозь зубы прошептал он.

– Да. Герцога и его ведьму, – резко ответил Бальтазар. Джулиан опустил руки и внимательно посмотрел на него. – Что у тебя было с моей сестрой?

– Мы... Я хотел на ней жениться, – признался Джулиан. – Но Мина попросила дать ей время, чтобы проверить наши

чувства. Она сомневалась во мне: сам знаешь, какая у меня репутация. Но я был честен с ней, как ни с кем.

Бальтазар ничего о нем не знал, но кивнул. Он не стал ему говорить, что Мина сомневалась в себе, а не в нем и, что у нее были на то причины.

– Что ты собираешься делать? – спросил Джулиан.

– А ты как думаешь? – хмуро спросил Бальтазар и начал есть. От вина у него слегка кружилась голова и горело лицо.

– В таком случае я с тобой, – с готовностью ответил Джулиан и жестом подозвал трактирщика, чтобы заказать обед. Бальтазара задело, что он так быстро пришел в себя после известия о смерти возлюбленной. Ему бы неделю кусок в горло не лез. Может быть, дело в том, что он терял близких людей слишком часто, чтобы научиться смиряться с болью.

– Расскажи-ка мне, что сейчас творится на границе, – сказал Бальтазар, глядя на раскрасневшегося от вина нового знакомого. – Думаю, у тебя полно интересных историй, которыми не грех поделиться.

Джулиан мотнул головой и, издав глухой смешок, начал свой рассказ.

Из трактира Бальтазар и Джулиан вышли лучшими друзьями. На улице лил дождь, уже стемнело, и погода не способствовала пешим прогулкам. Потоптавшись на дороге,

они решили вернуться назад и снять на ночь комнату. Трактирщик провел их на второй этаж и открыв дверь, с гордостью сказал:

– Это самая лучшая комната!

Окинув ее взглядом, Бальтазар поморщился. Если эта, с облупленными стенами и волнистым матрасом, лучшая, что же в других? Но, напомнив себе, что он пьян и доверчив, расплылся в улыбке и хлопнул трактирщика по плечу.

– Спасибо, друг! Ты наш спаситель!

Джулиан что-то пробормотал и упав лицом на кровать, тут же захрапел.

– Чего-нибудь еще желаете? – спросил трактирщик.

– Нет, у нас все уже есть, – Бальтазар глупо улыбнулся. – Как тебя зовут, добрый человек?

– Рауль, господин, – слегка поклонившись, сказал трактирщик.

– Я запомню, – пообещал Бальтазар и снова хлопнул его по плечу. Тот попятился, и выскользнув из комнаты, прикрыл за собой дверь.

С облегчением вздохнув, Бальтазар подошел к окну и распахнул его. Холодные капли дождя кольнули ему лицо. Он растер их пальцами по коже. Ночная сырость тут же поползла по его рукам, проникая под одежду. Он поежился, но окно не закрыл. Бросил взгляд на храпящего вовсю Джулиана и стал обдумывать то, что он ему рассказал.

Ранение, которое получил Джулиан, было магическим.

Границы Аталаксии охранялись не только военными гарнизонами, но и магическими ловушками. Касталийцы, которые все чаще старались прорваться на территорию Аталаксии, использовали чародеев-драммарцев. От их магии и пострадал Джулиан, когда небольшой отряд прорвался через защиту. Несколько нарушителей удалось поймать, но, едва оказавшись в гарнизоне, они один за другим испустили дух, оставив дознавателей ни с чем. Это были странные смерти, словно кто-то взял и заставил сердца лазутчиков остановиться. Случившееся вызвало ропот среди солдат и породило тревогу, от которой не смогли избавиться даже военные чародеи, способные унять любое беспокойное состояние.

Джулиан признался Бальтазару, что это проникновение показалось им странным. Во время нападения он видел плотный пчелиный рой, похожий на облако тьмы, который проплыл мимо, пока они охотились за лазутчиками. Он отправился проверить, что это было, но не нашел ничего подозрительного, а когда собрался возвращаться, что-то ударило его в грудь и огнем расплзлось по телу. Он потерял сознание и пришел в себя только через неделю. Долго не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой, не чувствовал магию. Когда он немного пришел в себя, его отправили в Шиоронию. Перед тем как Джулиан уехал, другой чародей признался ему, что видел то же, что и он: пчелиный рой.

Все это вызвало у Бальтазара беспокойство. Он думал о том, что драммарцы могли таким образом провести каста-

лийцев через границу. Пару раз подобные прецеденты уже были, что ухудшило и без того сложные отношения между соседями. После убийства короля Козимо Третьего Дрон-та касталийским наемником между Аталаксией и Касталией вспыхнула война. Драммар, который не желал участвовать в конфликте, стал перевалочным пунктом для войск. Молодая королева Давия не скрывала своего недовольства, что добавляло еще больше хвороста в и без того полыхающий костер войны. Она не желала, чтобы по ее земле ходили чужие войска, и всячески вредила им. Иногда военные потери от ее действий были больше, чем во время боя. Но воевать с ней ни одна из сторон не решилась, опасаясь того, что может случиться: тьма поднимется, и с нею никто не совладеет.

И король, и первый лорд хотели переманить Драммар на свою сторону, но Давия, боясь того, что ее решение оскорбит предков и поднимет тьму, сохранила нейтралитет. Хотя теперь понятно, что только сделала вид.

Война, продлившаяся три года, закончилась победой Аталаксии. Еще через год был подписан мирный договор. Новый конфликт начался несколько месяцев назад, когда в Ши-оронии был убит посол Касталии. В знак протеста первый лорд задержал в своем порту корабли, принадлежащие Аталаксии, после чего произошло две стычки на границе. И вот сейчас – очередная вылазка...

Бальтазар вздохнул. Знает ли об этом герцог? Он надеялся на это, потому что сам Дор ему ничего не говорил. Баль-

тазара удивляло, что после того, как он перехватил письмо Дилены, она все еще находилась при дворе, если только у Дора не было своего коварного плана касательно этой девицы. Но это предположение тут же вызвало в нем сомнения: герцог слишком слаб для такой интриги. А еще присутствие при дворе Кордии... К разочарованию примешалось презрение, и бывший разбойник поморщился.

От неприятного предчувствия у Бальтазара заныла спина. Он уже собрался закрыть окно и лечь на пол, но тут к трактиру подъехала карета. Кто-то из слуг вышел к ней с факелом, чтобы встретить визитера. Лица разглядеть было невозможно: прибывший был в плаще, и капюшон помогал ему сливаться с темнотой. Но что-то в силуэте показалось ему знакомым. Бальтазар посмотрел на часы – три ночи. Странное время, чтобы поужинать в городском трактире, особенно в том, который закрылся в полночь. Или этот человек снял здесь комнату и просто возвращается к себе? Терзаемый любопытством, он выскользнул из комнаты и на цыпочках спустился вниз.

Прячась за тяжелой шторой, отделяющей коридор от обеденного зала, Бальтазар пытался разглядеть посетителя. Тот прошел через зал и подойдя к стойке, что-то сказал Раулю. Трактирщик кивнул и поставил перед ним корзинку с едой. На стойку упало несколько монет. Посетитель взял корзинку и двинулся к выходу. На миг он повернулся в сторону лестницы, словно чувствуя, что за ним наблюдают. Этого было

достаточно, чтобы в сознании Бальтазара вспыхнуло узнавание. Оскар... Какой тьмы он тут делает?!

Крадучись, Бальтазар двинулся следом за ним. Охотничий азарт мгновенно захватил его, и он ощутил себя хищником. Даже плохая погода больше не отвлекала его. Пригибаясь, чтобы не привлечь к себе внимания, он добрался до кареты. Оскар уже сел в нее и как раз, захлопнув дверцу, опустил занавеску, словно кому-то среди ночи понадобится заглядывать внутрь – деревьям, например. Что такого запретного он скрывает, что даже пустых улиц опасается?

Бальтазар вскочил на мокрый и скользкий задник кареты, больше похожий на полочку для книг. Пару раз чуть не упав, он кое-как устроился, радуясь, что сзади нет окошка и его не обнаружат. Карета тронулась, и его как следует трянуло. Он больно прикусил язык и мысленно выругался, глядя на зловещие силуэты домов и храмов, проносящиеся мимо. Не думал, как будет выбираться среди ночи из места, где окажется, следя за бароном. Он наслаждался моментом, предвкушая утоления своего любопытства.

Карета остановилась, когда они проехали большую часть леса. Бальтазар промок и замерз, он прижимал руки к груди и старался не стучать зубами от холода. Он полностью протрезвел, и у него начала болеть голова. Кучер спрыгнул

на землю и распахнул дверцу. Оскар выбрался наружу, продолжая сжимать ручку корзинки. Вспыхнул огонь факела, и барон со слугой двинулись к небольшому домику, больше подходящему крестьянину, чем богатому молодому человеку. Это еще больше раззадорило Бальтазара. Тайная любовница? Хм...

Дверь хлопнула, и Бальтазар спрыгнул на землю. Прошел по узкой мокрой дорожке, разглядывая маленькие окна, в которых горел тусклый свет. Он позавидовал Оскару, который находился в тепле и мог провести ночь в мягкой постели. Подобравшись ближе, он встал на мокрый булыжник и заглянул в окно. Видно было плохо, но ему удалось разглядеть кровать, на которой лежал человек. Оскар сел рядом с ним и стал что-то говорить. До слуха Бальтазара доносился гул его голоса, но слов разобрать не получалось. С каких пор этот щеголь заботится о сирых и убогих?

Увлеченный происходящим, Бальтазар не заметил, как к нему кто-то подкрался сзади, лишь почувствовал, как что-то острое уперлось ему между лопаток.

– А теперь ты пойдешь со мной, – прозвучал в ночной тишине хриплый голос.

Глава 4. Жестокая правда Кордия

Кордия не знала, как ей вести себя с отцом. Она старалась отвечать нейтрально, думала над каждым словом, из-за чего выглядела растерянной и медлительной. Впрочем, как и раньше. Только тогда такой ее делал солнечный чай, чтобы никто не заподозрил, что она ведьма. Ей хотелось спросить его об Августине, выяснить, знал ли он о его планах, но она не могла просчитать последствия этого вопроса. Ее терзала совесть, что она сейчас не может находиться рядом с младшим братом, зная, как ему плохо. Неизвестно, сколько времени уйдет, прежде, чем он полностью восстановится. Грета конечно делает все, что может, но магия не всесильна. Может быть, если бы к процессу подключилась и она, все пошло бы быстрее. Но ей приходится сидеть за столом, заставленным самой изысканной едой, и вести светскую беседу, боясь, что кто-нибудь из присутствующих, может ляпнуть о том, что она ведьма.

Отпив глоток вина, Кордия посмотрела на Лейфа и его невесту, принцессу Дилену. То, как они общались, наводило на мысль, что они нравятся друг другу. Лейф оказывал ей знаки внимания, но в рамках этикета, а принцесса принимала их, давая ему понять, что ей это приятно. Кордия ожидала, что испытает ревность, но удивилась, что не почув-

ствовала ничего. Она смотрела на человека, которого считала любовью всей жизни, и он ей был безразличен. В первый миг это испугало ее, а через пару секунд она ощутила облегчение. Ей больше не придется страдать. Все осталось в прошлом. Она свободна от этого мужчины и любви к нему. Теперь между ними всегда будут стоять их поступки.

Кордия перевела взгляд на Дора. Тот оживленно говорил со Стефаном Бартоном о предстоящих скачках за Золотой рог. Это было последнее развлечение перед началом зимы, и к нему тщательно готовились. Чародеи выбирали самый лучший день с точки зрения погоды и энергетики, ставили защиту на лошадей, участвующих в скачках, чтобы никто из них случайно не пострадал. Если это все же случалось, то служило дурным знаком. Лошадь в Аталаксии считалась особенным животным, и если ему не поклонялись, то ценили очень высоко. За гибель скакуна можно было получить тюремный срок. Вечер после скачек заканчивался большим торжеством. В этом году должно было быть празднование свадьбы короля.

– Я не понял, – сказал Стефан. – В скачках будете участвовать вы сами, Дор, или ваша лошадь?

– Я сам на моей лошади, – улыбнулся герцог. – И это будут не первые скачки, в которых я принимаю участие.

– Мило, очень мило, – ответил Стефан, откинувшись на спинку стула. Выглядел он неуверенным и каким-то скованным. Кордии показалось, что он не хотел ехать сюда, но не

смог отказать ее отцу. Впрочем, так было всегда: Первый лорд легко манипулировал своими приближенными.

– Мы с дочерью с удовольствием посмотрим на это, – сказал Лорен. – И, возможно, даже будем болеть за вас.

– Это будет честью для меня, – ответил Дор.

– Теперь у тебя только один вариант: победить, – с усмешкой сказал Лейф. – Я ведь тоже приду посмотреть на тебя.

От того, как они смотрели друг на друга, Кордия показало, что сейчас полетят искры в разные стороны. Это была обоюдная и чистая ненависть.

– Я и не сомневался в вашем дружелюбии, ваше величество, – миролюбиво ответил Дор и слегка поклонился, не вставая со стула.

Кордия заметила, как пристально наблюдает за ними ее отец. Вдруг он обо всем догадался? Ведь он знал Лейфа, и это было не случайное знакомство на пару часов. Он встречался с ним изо дня в день больше года. И сейчас это человек сидит перед ним, называя себя другим именем... Конечно, ситуация была слишком абсурдной, чтобы ее сходу вычислить. Даже если у отца есть сомнения, вряд ли он станет разрешать их, чтобы не выглядеть смешным. А если нет? Ведь он может это поручить тому же Стефану, а тому не привыкать воплощать в жизнь самые странные идеи Первого лорда.

– А где ваш сын? – спросила Кордия, посмотрев на Стефана. – Мне сказали, Леон приехал с вами.

– Посещает местные оранжереи, – сказал Стефан и по-

мрачнел. – Но мне приятно, что вы заметили его отсутствие, принцесса. Ему будет приятно, когда я скажу ему об этом.

– Первая любовь не забывается, да? – улыбнулся Лорен.

Кордия сделала вид, что смутилась. Лейф заговорил об охоте, и Дор тут же подхватил беседу. Она взяла бокал и пригубила вино.

Кордия поправила на груди тяжелый зимний плащ, подбитый мехом, и набросила на голову капюшон. Греты не было, и ей пришлось одеваться самой. Где носит эту девицу? Дор сказал, что она пошла в лес, чтобы помочь Мариану, и до сих пор не вернулась. А на улице уже давно стемнело, и бродить среди деревьев в одиночестве небезопасно. При воспоминании о чародее у Кордии заныло в груди. Ей было невыносимо думать о том, что с ним могут сделать палачи, и она не знала, как ему помочь. Никому не удавалось бежать из Узкой башни, даже с помощью кого-то с воли, по крайней мере, это она слышала от тюремщиков, болтающих между собой, когда была в тюрьме Святой Улии. Натянув перчатки, чтобы не привлекать внимания отца к своим кривым пальцам, девушка покинула покои чародея, которые уже стала считать своими.

Лорен ждал ее на балконе. Рядом с ним стоял Лейф и судя по их расслабленным позам и смеху, беседа была дружеской. Ветер нещадно трепал волосы короля, но он не обращал на это внимания. На его плечи была наброшена короткая шуба, ворот рубашки расстегнут. Он был весел и казался открытым и искренним. Первый лорд снисходительно смотрел на него. Он стоял, опершись локтем на перила и внимательно наблюдал за собеседником. Кордию снова охватило беспокойство, что ее отец все понял. Девушка перевела взгляд на Лейфа. Тот почувствовал ее взгляд и обернулся.

– Ваше величество, – сделав книксен, покорно произнесла Кордия. И перевела взгляд на Лорена. – Отец.

– О, моя дорогая! – тут же переключился на нее Лейф. Протянул ей руку, и она нехотя вложила пальцы в его ладонь. Он притянул ее к себе, вынуждая выйти на балкон. Кордия подумала, что он слишком рискует, так открыто оказывая ей внимание перед ее отцом. Чего он хочет этим добиться? Лейф ведь ничего не делает просто так.

– Мы собирались прогуляться, – сказал Лорен, не сводя с них глаз.

– Понимаю, вам нужно многое обсудить, – улыбнулся Лейф. Кордия мысленно пожелала ему провалиться сквозь землю, прямиком в ад. – Но я не советую покидать территорию дворцового парка. Никандра, ты ведь знаешь, где он? Или попросить вас проводить?

Кордия понятия не имела где он, но кивнула утвердительно. Лейф еще раз улыбнулся и покинул их. Она с облегчением вздохнула, когда его шаги стихли в коридоре.

– Теперь мы вдвоем и можем больше не притворяться, – сказал Лорен. Его голос прозвучал жестко, даже враждебно, и это задело Кордию. Она напомнила себе, что заслужила это своим побегом, но легче не стало.

– Лучше выйдем на улицу, – сказала она и двинулась по коридору. Отец медленно пошел за ней. Они молча спустились вниз и вышли из дворца. В воздухе витал аромат предстоящего дождя. Кордии хотелось надеяться, что он начнется после того, как они успеют поговорить о важных вещах. Она обернулась и посмотрела на отца. Он казался ей чужим человеком. Это потому, что она отвыкла от него? Или теперь между ними всегда будет пропасть?

– Как дела у Августина? – спросила Кордия, когда они поравнялись.

– Этот трус сбежал, – посмотрев на нее, сказал Лорен, – и, по данным моих людей, в Аталаксию. Так что ты мне скажи, как его дела.

– Мы не встречались, – голос Кордии прозвучал спокойно. – Как я могу знать, что с ним?

– Ты думаешь, я поверил в тот бред, что рассказал мне герцог? – резко сказал Лорен и остановился. – Что ты была пленницей в банде, исполняла роль служанки, а они тебя освободили, потому что ты передала записку с просьбой о

помощи?

«В правду ты бы поверил еще меньше», – подумала Кордия.

– А как ты думаешь, все было?

– Ты сбежала с Лейфом, – небрежно отозвался Лорен. – Когда он бросил тебя, обратилась за помощью, и, чтобы защитить твою честь, герцог придумал эту дурацкую историю. Или ты думаешь, никто не видит, как этот проклятый смотрит на тебя?

Кордия закусила губу, размышляя, согласиться ей с выводами отца или все же попытаться оправдаться, сказав, что Лейф ее похитил. Тут же пришла к выводу, что это будет бесполезно: он уже сделал свои выводы.

– Внимание герцога меня не интересует, – сказала Кордия. Лорен усмехнулся, откинув назад белокурую челку. – Зато я познакомилась с Оскаром и узнала, что нас многое связывает. Почему ты с ним так жесток, папа?

– Потому что мое имя никогда не будет носить тот, в ком течет лживая кровь! – вспыхнул Лорен. – Его мать мерзкая ведьма, и я никогда не признаю его своим сыном! Она обманула меня, прикинувшись порядочной, скрыла свою сущность и, мне стоило больших усилий не отправить ее на костер! За одно это, бастард должен быть благодарен мне! Иначе бы сгорел в огне вместе со своей матерью!

Кордия внутренне содрогнулась от его слов и в очередной раз убедилась, что, если он узнает правду о ней, пощады не

будет.

– Но он и твой ребенок, – напомнила Кордия. – В нем течет и твоя кровь, а также твоих предков. Ты ведь знаешь, кем они были?

– Кем бы они ни были, они мертвы, – глухо сказал Лорен. – Не будем взывать к усопшим.

– Мы все единое целое, – сказала Кордия и, встав перед отцом, взяла его за руки. – Наши предки живут в нас, потому что все мы связаны кровью. И Августин, и Оскар заслуживают того, чтобы быть признанными. Без условий.

– Особенно после того, как единственная законная принцесса опозорена и ее возвращение домой для меня настоящее поражение, – выдергивая свои руки из пальцев Кордии, сказал Лорен. – Ты права: наследный принц был бы лучше.

Кордия подумала, что, если бы отец ударил ее, ей было бы не так больно это пережить.

– Ты не хочешь, чтобы я вернулась домой?

– Это будет менее досадно, чем позволить тебе остаться среди этих нелюдей, поощряющих магию, – с презрением произнес Лорен. – Не хочу, чтобы они использовали тебя в своих целях. Поэтому ты вернешься домой и пару лет будешь сидеть тихо во дворце и заниматься благотворительностью. А потом я постараюсь найти тебе мужа, который смирится с твоим бурным прошлым.

– Ты... Ты лишаешь меня наследства? – заикаясь, спросила Кордия.

– А на что ты надеялась, становясь любовницей конюха? – пожал плечами Лорен. – На первый приз? Я очень надеюсь, что где-нибудь в пещерах не прячется мой внук. Это было бы слишком.

Кордия промолчала. Она знала, что отец прав. Сама виновата.

– То есть, ты доверишь правление Касталии чужому человеку? Своему зятю? – собравшись с силами, спросила Кордия.

– Почему? Я еще молод и полон сил, у меня могут быть новые наследники, – пожал плечами Лорен.

– Мама ждет ребенка?

– При чем здесь твоя мать? – Кордии показалось, что отец разозлился. – Я собираюсь снова жениться.

– Что?!

– Ты прекрасно слышала.

– Но мама... Мама же, – Кордия пыталась найти подходящие слова, но мысли от услышанного путались.

– Твоя мать в последнее время вела себя очень странно, поэтому я отправил ее в Дом Света. Не думаю, что после пребывания там она сможет стать матерью моих детей.

У Кордии под ногами качнулась земля. В Дом Света отправляли тех, кто проявлял признаки магии. После нахождения там, многие по-настоящему сходили с ума и больше никогда не могли вести прежний образ жизни.

– Мама... У нее же никогда не было никакой магии! – вос-

кликнула Кордия. – Не знал, как избавиться от нее, да? Получше идей не нашлось?

От хлесткой пощечины у Кордии зазвенело в ушах. Капюшон упал на спину, и ветер тут же растрепал ее волосы. Ее лицо пылало от стыда и негодования.

– Я – первый лорд Касталии, а значит, принимаю самые лучшие решения для своих подданных, – ровным голосом произнес Лорен, хотя в его глазах полыхало пламя гнева. – Неужели ты думаешь, что я мог ошибиться с твоей матерью?

Кордия вспомнила разговор с Кассиопеем на корабле. Мама писала ему, чтобы чародей Каведонии нашел ее. Видимо, отец узнал об этом и решил, что она связана с магией. Или само общение с чародеем стало причиной. Не сбеги она, ничего бы этого не случилось!

– Ты – человек, а значит, ошибки в порядке вещей! – не желая смириться с таким поворотом событий, крикнула Кордия. – Я никогда тебе этого не прощу!

– У меня к тебе тоже огромный счет, дорогая Никандра, – сказал Лорен и, схватив ее за локоть, привлек к себе. – И если ты попробуешь сделать какую-нибудь глупость, я прикажу казнить твою мать как ведьму. Сейчас ее судьба в твоих руках и зависит исключительно от твоей покорности. Ты поняла меня, дочь?

– Да, отец, – выдохнула Кордия, глядя Лорену в глаза. В них плескалось презрение и ненависть. Что бы он ни говорил, она уже умерла для него.

– Вот и хорошо. Сразу после свадьбы короля мы возвращаемся домой.

– Леди Мальвина говорила, что ты скучаешь по мне, волнуешься, – сказала Кордия, ища в себе силы чтобы не расплакаться. Отец отпустил ее и рассмеялся.

– Ну а как еще я мог заставить ее шпионить для меня? Только своей тонкой душой, переживающей и любящей, – смеясь, сказал Лорен. – Мальвина повелась, и я с удовольствием продолжил игру, получая сведения от этой дурочки.

– А теперь она в тюрьме, и ее, скорее всего казнят за предательство короны, – глухо сказала Кордия, вспомнив Мальвину. Лорен пожал плечами.

– Сама виновата. Надо было думать о последствиях. Или ты хочешь обвинить в этом меня?

Кордия покачала головой. Да, она считала его виновным, но знала, что, если заговорит об этом, ничего, кроме нового спора не добьется.

– Как давно мама в Доме Света?

– Все узнаешь, когда вернешься домой. Я позволю вам встретиться, – сказал Лорен, и от его наигранного великодушия Кордию охватила ярость.

– Если ты не против, давай вернемся, – сказала она, чувствуя, что, если в ближайшее не останется одна, то не сможет избежать истерики.

Лорен кивнул и взяв дочь под руку, двинулся с ней в сторону дворца.

Кордия лежала, уткнувшись лицом в подушку и плакала. Разговор с отцом стал для нее приговором. Она поняла, что не будет искать причин остаться здесь, ведь речь идет о жизни ее мамы. Ей надо вернуться в Кассию. Вот только приезд туда для нее самой означает смерть. Она не знала, как найти выход из этой ситуации и у кого просить помощи. В памяти всплыл Августин. Подняв заплаканное лицо, девушка облизала соленые губы. Нужно срочно увидеться с братьями. Возможно, они что-то знают о происходящем в Кассии. Августин точно должен знать, он ведь недавно приехал оттуда.

Она сползла с кровати и бросилась к дверям. Ее больше никто не запирает, и стражи за дверями не оказалось. Кордия уже собралась с облегчением вздохнуть, но потом подумала, что это не означает легкого побега из дворца: ведь, чтобы добраться до братьев, ей нужна лошадь. Вот тьма! Она представила себе, как крадется в королевскую конюшню и нервно рассмеялась. Ей не хотелось ввязываться в очередное приключение, тем более учитывая, какой дождь лил за окном, но выхода у нее не было. Она должна узнать реальное положение дел в Кассии. Полной веры словам отца у нее не было. Он был прекрасным политиком и умел честно лгать.

Звук тяжелых шагов прервал ее размышления. Дор. Кордия с досадой закусила губу и вернулась в покои. Спешно

вытерла мокрые щеки и пригладила волосы. И тут же разлилась на себя за собственное самомнение: да мало ли к кому идет этот герцог! Можно подумать, она тут одна живет на этаже! Без сил опустилась в кресло, глядя, как в подсвечниках догорают свечи и воск медленно стекает по железной ножке. Стук в дверь заставил ее вздрогнуть. Сердце забилось чаще, и ладони стали влажными.

– Войдите, – сказала Кордия и постаралась придать себе непринужденный вид. Дор вошел и закрыл за собой дверь. Покои тут же наполнились запахом грозы. Она поднялась, гадая, зачем герцог пожаловал к ней. Можно было бы спросить, но она не смогла. Ждала, пока заговорит он. Ворон Мариана непривычно смотрелся на плече Дора и выглядел встревоженным.

– Я тебе кое-что принес, – сказал Дор и, вытащив из складок плаща бумаги, положил их на стол.

– Что это?

– Документы на покупку ведьмы Кордии Росы, – сказал Дор, глядя как она идет к столу. – Будет лучше, если ты сама их уничтожишь.

– Даешь мне вольную? – усмехнулась Кордия, беря в руки бумаги. Она быстро пробежала глазами по тексту и удивилась тому, как дорого он за нее заплатил. Свободной от работы на него она могла стать через двадцать лет или по его личному решению.

– Я бы все равно это сделал. Просто приезд твоего отца

все ускорил, – признался Дор.

– Кто угодно может проговориться, о том, как я сюда попала, – подходя к камину, сказала Кордия. Она бросила бумаги в огонь и стала смотреть, как он пожирает их, как сжигаются и темнеют края. Если бы так же в огне могло сгореть ее прошлое!

– Для всех ты была моей ассистенткой. Я никому не говорил, что...

– Штефан знает правду. Оскар и Бальтазар тоже в курсе. Для них это возможность отыграться на мне за свою боль, – сказала Кордия и, выпрямившись, подняла голову и посмотрела Дору в глаза. – Спасибо, что принес мне эти документы. Для меня это много значит.

Герцог кивнул, и они замолчали. Было слышно, как в окно стучит дождь и в камине потрескивает огонь.

– У меня есть только один вариант, чтобы ты осталась здесь, – сказал Дор. – Брак со мной. Это единственное, что я могу предложить тебе.

– Отец... отец поставил мне условие, – тихо проговорила Кордия. – И теперь я обязана вернуться, иначе пострадает близкий мне человек.

– Ты поэтому плакала?

– У тебя привычка все замечать, да? – слабо улыбнулась Кордия. – Я знаю, что виновата перед отцом, но не думала, что он так поведет себя со мной. Что ж... мне снова придется пить солнечный чай и много спать.

– Если ты выйдешь за меня, то по закону не сможешь уехать! – горячо проговорил Дор. Кордия покачала головой.

– Я благодарна тебе за это предложение, но не могу его принять, – мягко сказала она. – Мне придется вернуться в Кассию.

– Но это самоубийство!

– Я знаю.

– Чем тебе угрожал отец? – спросил Дор и забывшись, двинулся на полшага вперед. Кордия отступила назад. – Скажи, возможно, я смогу придумать выход.

– Я не могу с тобой об этом говорить. Пожалуйста, не настаивай. Давай сменим тему. Тем более, есть одна важная вещь, о которой ты должен знать, – сказала Кордия и ее охватило волнение. Хватит ли у нее сил произнести это? Дор плотно сжал губы, не сводя с нее глаз.

– Ну же, не тяни, – видя, что она молчит, раздраженно бросил герцог.

– Грега убил Штефан, – выдохнула Кордия и устало опустилась в кресло.

Глава 5. Чужие секреты | Бальтазар

Бальтазар замер, стараясь оценить физическую силу того, кто стоял за спиной. Он вслушивался в дыхание, в тепло, исходящее от тела. Мужчине больше сорока, средний, коренастый. Вряд ли хороший боец, учитывая тяжело дышит.

– И куда же ты хочешь меня пригласить? – медленно поднимая руки, произнес Бальтазар.

– Хватит болтать! – рявкнул мужик. Он попытался ударить его по шее, но вышло неуклюже. Бальтазар успел увернуться, пригнулся и, сделав резкий выпад, выбил из рук незадачливого слуги нож, затем двумя ударами свалил его с ног и, схватив за ворот, несколько раз приложил о землю. Выпрямившись, вытер мокрое от дождя лицо, подобрал с земли оружие и поморщился от того, какой это грубый самодел. Было бы грустно умереть от такого. Брезгливо спрятал его в голенище сапога и рывком поднял слугу на ноги. Тот хрипел, из разбитого носа текла кровь.

– А теперь ты проведешь меня в дом и познакомишь со своими хозяевами, – сказал Бальтазар и, обхватив его за плечи, толкнул вперед.

Они обошли дом, и подойдя к двери, Бальтазар достал из кармана слуги ключ.

– Заорешь – убью, – зловещим шепотом, предупредил он. Слуга понимающе кивнул. Бальтазар чувствовал, как тот дрожит. Это его позабавило и даже подняло настроение. Ему нравилось, когда его боялись.

Дверь тихо скрипнула, и они вошли внутрь. Слабый свет от свечей резанул по глазам Бальтазара, привыкшим к темноте. Он заморгал, чтобы быстрее к нему адаптироваться.

– Дрис? – раздался мелодичный голос Оскара. – У тебя все в порядке?

Бальтазар оттолкнул незадачливого Дриса, вошел в комнату и огляделся. Бледный парнишка, лежавший на кровати, испуганно вытянул шею, увидев его. Убийца короля, живой, и даже вполне прилично выглядящий. Да, лицо еще опухло и посинело, но это все же лучше, чем если бы он был мертвецом. Похоже, судьба решила сделать ему подарок!

Бывшему разбойнику даже стало теплее. Он посмотрел на кресло, в котором сидела рыжая девушка – та, что сперва жила в замке герцога, а потом стала служанкой Кордии. Кажется, ее зовут Грета.

Оскар медленно поднялся и шагнул навстречу Бальтазару. На нем был расшитый халат длиной в пол, светлые волосы гладко зачесаны назад. В руках – книга, судя по гербу на ней, взятая в королевской библиотеке.

– Итак, здравствуйте, господа! – широко улыбнувшись,

сказал Бальтазар. Улыбаться было тяжело, его била дрожь от промокшей насквозь одежды, и губы не желали ему подчиняться. – Августин, как чувствуешь себя после смерти? Не перегрелся в чистилище?

– Генерал королевского сыска, – с усмешкой произнес Оскар и передал книгу Грете. – С чем пожаловал?

– Да вот, проходил мимо, решил зайти и узнать, как здоровье Августина, – откидывая назад мокрую челку, сказал Бальтазар. – Уверен, Дор будет очень рад снова видеть его, особенно в кандалах и по пути на эшафот.

– Чего ты хочешь, Бальтазар?

– Ты хочешь сразу перейти к делу? А как же прелюдия? – вскинув брови, рассмеялся Бальтазар. – Расслабься, мы же не первый день знакомы! Мне, вот, очень интересно, зачем тебе этот парнишка? Ведь не просто же так ты рисковал жизнью, чтобы вытащить его из тюрьмы. Я слышал о несчастном случае... Не все поверили в него, кстати. А теперь у меня и доказательство есть, причем живое.

– Ты нас сдашь? – подал голос Августин и попытался сесть. Грета тут же кинулась к нему и помогла это сделать, придерживая за плечи.

– Мой статус не позволяет мне поступить иначе, – с напускной грустью сказал Бальтазар. Он стянул с себя мокрый мундир и устроился на полу возле огня.

– Ты же понимаешь, что при таком раскладе, можешь выйти отсюда только мертвым? – спросил Оскар, пристально

глядя на него.

– Ошибка первая – угрожать мне, – сказал Бальтазар, вытягивая ноги. – Грета, помоги мне снять сапоги: не хочу завтра залить дворец соплями. Оскар, ты купил целую корзинку еды! Бутылки вина там не найдется?

– Не боишься, что я туда плесну яда? – спросил Оскар.

– Вряд ли ты держишь такие вещи под рукой, если только не собирался отравить еще кого-то, кроме меня, – ответил Бальтазар, с удовольствием наблюдая, как Грета его разуваёт. – Твоя хозяйка знает, где ты проводишь ночь? Или постой... может, она сама тебя сюда прислала?

Грета промолчала, лишь ее щеки стали пунцовыми. Она отставила его сапоги в сторону и поднялась с колен. Бальтазар отметил про себя, что она хорошенькая, и он был бы не прочь затащить ее постель, но судя по той злости, с которой она на него смотрит, это будет хлопотно. Вряд ли эта девица сама кинется ему на шею, а принуждения в делах интимных он не терпел.

– Не стоит впутывать сюда Кордию, – холодно сказал Оскар.

– Ошибка вторая – держать меня за идиота, – произнес Бальтазар, глядя на огонь. – И да, я в курсе о происхождении Кордии, как и ты, милый Оскар. Вот та самая причина, по которой ты спустил на спасение этой девчонки половину своего состояния. Ты покупал не ведьму, а принцессу, полезное вложение для счастливого будущего. Жаль, что ты его не

использовал.

– Ты для меня не настолько близкий друг, чтобы я с тобой откровенничал, – сказал Оскар и покосился на Августина, который сидел бледный, словно полотно. Бальтазар догадался, что парнишка ни о чем из этого не знает.

– Не хочется пугать, но дружить тебе со мной придется, – миролюбиво сказал Бальтазар. – Иначе все узнают твою тайну, а она ведь не только твоя, правда?

– Никто не знает, что ты здесь, – беря меч, сказал Оскар. – И твоя смерть мало кого огорчит.

– Оскар! – взволнованно прошептал Августин. Грета села рядом с ним и обняла его за острые плечи.

– Девочкам лучше отвернуться, – сказал Бальтазар и, упершись обеими руками в пол, откинулся назад. Он намеренно открывался перед Оскаром, провоцировал его, хотя понимал, что подвергает себя опасности. Тайна барона может стоить очень дорого и его жизнь перед ней ничего не значит. – Ну же, не медли! Всего один удар, и мы долго не увидимся. Хотя после того, что ты сделаешь – вряд ли.

Оскар шагнул к нему и острие его меча коснулось груди Бальтазара. Одно движение барона, и он с легкостью пронзит ему сердце. Он поднял глаза и с улыбкой посмотрел на своего убийцу. Их взгляды встретились, и он заметил, как рука того слегка дрогнула. Непросто убить человека, когда смотришь ему в глаза. Для этого надо быть настоящим ублюдком.

– Это твои последние слова? – неожиданно спросил Ос-

кар. Он колебался, ему нужно было еще несколько секунд, чтобы принять решение. Такой вывод сделал из его поведения Бальтазар.

– Не хотелось бы. Люблю поговорить. – Сохранять спокойствие было все сложнее. Бальтазару хотелось выбить меч из руки барона, а его самого скрутить, заставить уткнуться лицом в пол. Тогда бы адреналин перестал жечь ему вены, и он больше не чувствовал себя уязвимым.

– Удиви меня, и я сохраню тебе жизнь.

– Ты не думал, что я могу быть тебе удивительно полезен?

Рука Оскара дернулась, и клинок слегка царапнул кожу Бальтазара. Пара капель крови заалели на белой рубашке. Барон отшатнулся назад, увидев это, и опустил меч. В его лице читались обескураженность и облегчение. А потом он рассмеялся.

Бальтазар проснулся от того, что хлопнула дверь. Он приподнялся на локте и, увидев вокруг незнакомую обстановку, в первый момент оторопел. Ночь он провел на подстилке из сена, укрытый чьим-то плащом, и не где-нибудь, а на чердаке. В памяти Бальтазара всплыло, как они с Оскаром пили вино, сидя на полу. Отбросив от себя тяжелую ткань, он увидел, что на нем поношенная крестьянская рубашка и такие же штаны. Все-таки хозяин оказался гостеприимным, пожа-

лел его и дал сухую одежду.

Вскочив на ноги, Бальтазар подошел к лестнице, чтобы спуститься вниз, когда до него долетел знакомый женский голос.

– Как Августин? – спросила Кордия.

– Лучше, тебе не о чем беспокоиться, – ровным, слегка сонным голосом ответил ей Оскар. – Грета ему очень помогает. Вы не встретились на дороге? Она полчаса как уехала во дворец.

– Нет, мы не виделись, – глухо ответила Кордия и Бальтазар понял, что она чем-то расстроена. Его губы тронула злорадная улыбка. – Зато я вчера говорила с нашим отцом. После свадьбы я возвращаюсь в Кассию.

– Вот тьма! – пробормотал Оскар.

– Августин, проснись, – проговорила Кордия, и ее голос стал глуше: видимо, она прошла в глубь комнаты. Вот досада! Ему нужно знать, о чем они будут говорить. Бальтазар стал на цыпочках спускаться вниз, то и дело замирая и вслушиваясь в происходящее внизу.

– Кордия... Тебе же опасно здесь находиться! – беспокойно затараторил Августин.

– Я была осторожна, – без особой уверенности сказала Кордия. – Мне нужно с тобой поговорить. Скажи, как давно ты покинул Кассию?

– Полгода назад, а что?

– Что на тот момент было с моей мамой?

– С ней все было в порядке. Все как обычно: чаепитие, благотворительность, – торопливо проговорил Августин. – Она была здорова и не выглядела грустной.

– Отец сказал, что она больна? – спросил Оскар.

– Он сказал, что отправил ее в Дом Света, – сказала Кордия, и в ее голосе прозвенели слезы. – Вы ведь понимаете оба, что это значит?

Бальтазар невольно выгнул бровь, пытаясь осознать услышанное. Отец? Оскар назвал первого лорда отцом или он что-то не так понял?

– Она там уже пару месяцев, – хмуро откликнулся Оскар. – Мне написала об этом моя мать.

– И ты молчал? – с негодованием воскликнула Кордия. – Как ты мог не сказать мне об этом?

– Не было подходящего момента, – ответил Оскар. – Да и что бы ты могла сделать?

– Речь идет о моей матери! – вскинулась Кордия. – Неужели ты думаешь, я бы не придумала варианта?

– Предложила бы Дамьяну ввести в Кассию войска? – фыркнул Оскар.

– Ты хочешь быть моим братом или врагом? – с гневом произнесла Кордия, и Бальтазару даже показалось, что он видит, как она дрожит от ярости.

– Ладно, прости. Я покажу тебе те письма, что прислала мне мать. Не хочу перевернуть факты, – миролюбиво произнес Оскар. – Раданелла, вроде, стала ходить к какой-то гадалке

и видеть вещие сны.

– Ты не можешь вернуться в Кассию! – встревоженно сказал Августин. – Там все очень плохо... Людей постоянно тестируют на магию. Те, кто приезжают, должны пройти испытание. Если ты обладаешь магией, но подданный другого королевства, въезд запрещен. Если кто-то сказал нечто такое, что сбылось, за одно это человека могут упечь в Дом Света. Отец задался целью уничтожить всех, в ком есть хоть одна искра этой силы. И его уже никто не остановит.

– Так уж и никто! – усмехнулся Оскар.

– Я не имел ввиду убийство, – сказал Августин.

– Я тоже.

«Твою же мать! – мысленно простонал Бальтазар. – Что за детский лепет!»

– Мне нужно вытащить маму из Дома Света до того, как отец прикажет ее казнить, – после долгой паузы, сказала Кордия. У Бальтазара от неудобной позы разболелась спина, а еще замерзли ноги, и он хотел, чтобы эта ведьма убралась, наконец, отсюда.

– Боюсь, наш опыт по вытаскиванию узника из заключения там не сработает, – вздохнул Оскар. – Я сам не был в Доме Света, но слышал, оттуда никому не удалось сбежать.

– Я не позволю тебе вернуться домой! – решительно сказал Августин.

– Мы можем оказаться в Касталии только в одном статусе, – медленно проговорил Оскар. – Как захватчики.

Кордия ничего на это не сказала, но ее молчание значило куда больше слов. Бальтазар закусил губу и весь превратился в слух, боясь пропустить что-то важное, но услышал только звук хлопнувшей двери. Принцесса покинула дом.

Бальтазар вернулся на чердак и упал на сено. Замотался в плащ и закрыл глаза. На лестнице слышались шаги. Оскар – ну кто бы сомневался! Позволил своей сестре быть открытой, а потом решил проверить, не подслушал ли он чего. Очень мило, ничего не скажешь!

– Я собираюсь во дворец. Ты со мной? – толкнув его мыском сапога в плечо, спросил Оскар. Бальтазар открыл глаза и посмотрел на барона. Тот едва заметно улыбался, но взгляд его оставался настороженным.

– Хочешь прикончить меня по дороге?

– Ты сам подкинул мне эту идею.

– Спешешь встретиться с папочкой? – поднимаясь, спросил Бальтазар и тут же получил резкий удар в живот.

– Больше никогда не смей говорить со мной об этом, – холодно сказал Оскар и ушел, оставив Бальтазара приходить в себя от боли и неожиданности.

Глава 6. Подлый удар | Дор

Дор внимательно смотрел на Кордию, анализируя услышанное. Грега убил Штефан. Правда, которую он так не хотел принимать, с которой ему будет больно смириться.

– Как ты об этом узнала?

– Когда ты попросил меня посмотреть посмертные воспоминания Бернарда, у него под рукавом я нашла бусину, – медленно проговорила Кордия, и Дор вздрогнул. – Я не могла вспомнить, где ее видела и показала Мариану. Тот считал с нее воспоминания и сказал, что она принадлежит Штефану.

– Это она? – Дор вытащил из кармана черную бусину с гравировкой и показал ее Кордии. Та кивнула. – Эту безделушку я подарил Альбе, когда мы еще были подростками.

– Дор, мне очень жаль, – мягко произнесла Кордия. – Что теперь будет со Штефаном?

Дор пожал плечами и медленно прошелся. Ворон слетел с его плеча и уселся на изголовье кровати. Герцог даже испытал облегчение от того, что птица покинула его.

– У нас нет доказательств его причастности ни к убийству Грега, ни к убийству Бернарда, – вздохнул Дор, крутя в руках бусину. – И я никогда не видел это украшение на самом Штефане. Что, если его подбросили, чтобы пустить нас по неверному пути?

– Но Мариан...

– Он теперь не сможет свидетельствовать.

– Надеюсь, ты не думаешь, что я из мести решила оговорить Штефана, – сказала Кордия. Дор обернулся и посмотрел на нее. Она выглядела уставшей, глаза у нее были красные, заплаканные, а на искусанных губах блестели капельки крови. Он никогда не видел ее такой сломленной. Ему даже показалось, что она стала меньше ростом. Или все дело в том, что большое кресло, в котором она сидит, делает ее такой?

– Конечно, нет.

– Что, если того человека... – начала Кордия и запнулась. – Лазутчика, которому отрубили голову, тоже убил Штефан?

Дор замер на месте. Он смотрел в пол, разглядывая замысловатый узор на ковре, и перебирал в памяти детали того вечера. Сколько с него прошло? Чуть больше недели? А по ощущениям – месяц. Перед глазами всплыло, как они вошли в трактир, как Штефан сразу же сговорился с девицей легкого поведения в красном платье. И когда все случилось, он был с ней. Но правда ли это? У него было достаточно времени, чтобы убить лазутчика, умыться и как ни в чем не бывало вернуться в трактир. Ему тогда даже в голову не пришло, что его нужно подозревать. Вот только какой у него был мотив? Для чего все это самому Штефану? На кого он работает?

– Я проверю твое предположение, – сказал Дор, твердо

решив снова вернуться в тот трактир и допросить девицу в красном. Кордия кивнула.

– Я хотела тебя попросить... – сказала она и поднялась. – Будь помягче с леди Мальвиной.

– С чего вдруг такая забота? – резко спросил Дор.

– Мой отец использовал ее, обманул, – вздохнув, сказала Кордия. – И мне ее жаль.

– И совершенно напрасно! Как бы твой отец ни задурил ей голову, предавать или нет, было только ее решением и она должна нести за него ответственность. Больше ничего не хочу об этом слышать! – раздраженно бросил Дор. Кордия ссутулилась и промолчала. Ему захотелось подойти к ней и обнять, зарыться лицом ей в волосы и слушать, как бьется ее сердце.

– Я с утра хотела бы покататься верхом... – робко проговорила Кордия. – Это возможно?

– Конечно. Хочешь составлю тебе компанию?

– Нет, мне бы хотелось побыть одной, – торопливо сказала Кордия, и Дор заподозрил ее в новой авантюре. За этой девушкой нужен глаз да глаз. – Надо привести мысли в порядок.

Дор кивнул и, не прощаясь, покинул покои. Он разыскал капитана Лукаса и приказал ему съездить в трактир и допросить девицу в красном. И если она даст интересные показания, привезти сюда.

Лежать в постели без сна было для Дора обычным делом. Он мог часами ворочаться, ища удобную позу, в которой его тело могло бы расслабиться, и не находил. Засыпал уже от усталости и, конечно же, не высыпался.

Перевернувшись на спину и сложив руки на груди, Дор прислушался к дождю, стучавшему в окно. Звук, призванный убаюкивать, раздражал. Ему хотелось полной тишины, той, которая оглушила бы его, заставив карусель из мыслей остановиться. Перед глазами мелькали картинки из предыдущего дня: то первый лорд Кассии, то Мариан, неподвижно лежащий на полу, то Лейф, заставивший его поклясться в верности. Но все это вытеснял образ Сабола. Его голос продолжал звенеть у него в ушах, и он опасался, что начал сходиться с ума.

«Убей Кордию, и ты освободишься от проклятия. Принеси мне ее сердце, и ты станешь свободным», – набатом звучало у него в голове.

«Это не может быть магическое влияние, – напомнил себе Дор. – В Узкой башне стоит защита, Сабола не смог бы оттуда воздействовать на меня. Это всего лишь мое воображение».

Убеждения не помогли, и в этот момент, он был даже солидарен с отцом Кордии, что магии нет места в этом мире, невозможно спокойно жить, когда в любой момент кто-то может вторгнуться в твой разум и посеять семена своего влияния. А вдруг он не сможет устоять? Что, если чужое же-

ление возьмет верх? Ему стало по-настоящему страшно. То, чем искушал его Сабола, было для него очень болезненным.

Семь лет он не мог никого коснуться, дистанция между ним и людьми стала его приговором, а страх, что он случайно убьет кого-то, не отпускал его даже во сне. И с каждым годом эта ноша становилась для Дора все тяжелее, а воспоминания о том, что он уже сделал, превращались в черное клеймо, которое, разрастаясь, отравляло ему душу. Если бы не Дамьян, который не испугался, как все остальные, его проклятия, он так и жил бы в своем замке отшельником. Но король решил иначе: «Раз мы оба прокляты, значит, должны держаться вместе». И Дор всю жизнь будет благодарен ему за это решение.

Предложение Саболы не могло исправить его прошлых ошибок, но давало шанс на счастливое будущее и, Дор никак не мог выкинуть это из головы. Где-то есть человек, который может исцелить его, но цена за встречу с ним – жизнь Кордии. Жизнь, которую он никогда не сможет оборвать, впрочем, как и любую другую, ради своей собственной.

Дор с яростью ударил по подушке. Длинные черные волосы, словно плащ, окутали его плечи. Он поймал себя на мысли, что без одежды чувствует себя неуверенно, словно теряет свою идентичность. Он выбрался из постели и, подойдя к окну, распахнул его.

Из-за визита Первого лорда разговор с Диленой пришлось перенести, и это тревожило Дора. Из последних донесений с

границы было ясно: драммарцы не собираются держать слово и сохранять нейтралитет. Сама принцесса просила помощи и плела интриги с правителем Истраты. Она предлагала ему приплыть на корабле и забрать ее прямо из-под венца. Дор подошел к столу и, вытащив из ящика ларец с письмами, нашел там письмо Дилены. Перечитал его и задумался.

В день свадьбы Дилены и Дамьяна должен быть подписан мирный договор, обязательное условие которого – отказ в помощи врагам, (по умолчанию, подразумевалась Касталия). Но что, если драммарцы используют свадьбу для своих целей? Добиться не мира, а, например, захватить власть. Поэтому на границе так беспокойно и, возможно, по этой причине, первый лорд, которому так мерзко находиться среди людей, владеющих магией, приехал сюда.

От собственных подозрений Дору стало нехорошо. Он уже отдал распоряжение привести в боевую готовность корабли и заблокировать любое судно, идущее под флагом Истраты. Ему захотелось пойти к Мариану и обсудить это, но уже потянувшись к одежде, он вспомнил, что его покоями теперь стала Узкая башня. Тьма! Герцог не знал, как вытащить его оттуда. Но и смириться с потерей близкого человека было выше его сил. Его собственная судьба висела на волоске. Вряд ли Лейф и его мать позволят ему находиться при дворе. Он для них лишняя угроза, от которой необходимо избавиться. Сколько времени он сможет продержаться, вернее, ему позволят это сделать? И есть ли варианты пере-

ломить ситуацию? Что будет дальше, если он сейчас ворвется в спальню Лейфа и убьет его, а потом отправит следом за сыном и проклятую графиню Локк? Успеет ли он захватить власть и объявить себя королем, до того, как его прикончат? Ему нужен план и сообщники, в одиночку ему это не проверить. Вот только на кого сейчас он может положиться? Все, кому он доверял прежде, мертвы. На миг перед ним всплыл образ Бальтазара. Учитывая его прошлые поступки, он мог ему довериться. Только захочет ли Бальтазар говорить с ним, после того, как он скрыл правду о смерти его сестры? Пожалуй, это нужно как можно скорее исправить.

Раздался настойчивый стук в дверь. Дор бросил взгляд на часы. Четыре утра. В такое время к нему могли пожаловать только с очень важными новостями. Герцог ломанулся к стулу, где висел его плащ, спешно набросил его на плечи и нахлобучил на голову шляпу. Прохрипел «войдите» и закашлялся.

В покои вошел капитан Лукас. Он хорошо знал правила безопасности и остался стоять у порога, держа в руках бумагу, исписанную крупным почерком.

– У меня для вас два донесения! – прогремел капитан. – Во-первых, во время последних испытаний подозреваемый Сабола сообщил имя того, кто купил у него магический арбалет. Это Штефан Райт.

Дор вздрогнул от последних слов капитана и понадеялся, что широкий плащ скрыл его внезапную слабость.

– Мы показали изображение господина Райта слуге чародея Саболы, и тот опознал его, – бесстрастно продолжил капитан. Дор жестом приказал ему положить бумаги на стол. Капитан повиновался.

– Что еще?

– Мой человек только что вернулся из трактира, который вы указали. Провел опрос обслуги. Та девушка, о которой вы говорили, Ваше высочество, была убита на следующее утро после вашего отъезда, – ответил капитан. – Кто-то проник в ее комнату и зарезал ее, когда она спала. Виновного пока не нашли.

– Понятно, – сказал Дор и зачем-то кивнул. В глубине души ему очень хотелось, чтобы его подозрения не подтвердись.

– Какие будут распоряжения по поводу господина Райта? – спросил капитан.

– А разве тут есть какие-то варианты? – пожал плечами Дор и, взяв лист с показаниями Саболы, стал его читать.

Коридор, ведущий к покоем где жил Штефан, показался Дору бесконечным. Пока он шел и его шаги эхом отдавались в мрачном пространстве, перед глазами проносились моменты, когда он считал этого человека своим другом. Их беседы за бокалом вина, шутки, не всегда добрые и приличные, которыми они подбадривали друг друга. Доверие, с которым он относился к Штефану, делясь с ним своими мыслями и

планами. Он не мог понять, когда все пошло не так и Штефан выбрал другую сторону, оставив для него лишь ложь.

Остановившись перед дверью, Дор нервно сжал рукоять меча. В голове крутилась стайка слов, с которых он хотел начать разговор, но он не мог ухватиться хоть за одно из них, чтобы понять, что говорить. Выдохнув, он громко постучал, и звук отразился от стен, создавая секундный гул. До слуха герцога донеслись шаги и тихая брань. На рассвете мало кто бывает рад гостям. Дверь распахнулась, и на пороге появился растрепанный Штефан. Рыжие волосы стояли дыбом, рубашка была помятой и выглядела безразмерным мешком.

– О, это ты! – с облегчением произнес Штефан и шагнул назад. – Что, бессонница?

– Надо поговорить, – входя в покои, сказал Дор, и у него пересохло во рту.

– Я пока умоюсь и приведу себя в порядок, ты не против? – суетливо проговорил Штефан. Дор кивнул. Он смотрел, как его друг берет кувшин, льет себе воду на руку и умывается. Подозревает ли, для чего он пришел? Прикидывает, что солгать?

– Сколько лет мы с тобой вместе? – спросил Дор и внезапно охрип. Штефан поднял голову и непонимающе посмотрел на него.

– Неужели ностальгия? – криво усмехнулся он, проведя влажной ладонью по волосам. Тут же нырнул за ширму стал переодеваться. – Лет восемь, наверное. Мы познакомились,

когда ты еще был здоров.

– И на каком году дружбы ты решил, что с тебя хватит? – спросил Дор. Он прислушался: минуту на минуту к покоям должны были подойти гвардейцы, которым он отдал приказ арестовать Штефана. Ему хотелось верить, что бывший друг обойдется без глупостей.

– Ты о чем? – выглянув из-за ширмы, настороженно спросил Штефан.

– Стал любовником Альбы, связался с мятежниками, убил Грега и Бернарда, подался в сообщники Лейфа, – спокойно произнес Дор, хотя его трясло, как в лихорадке. – Что тебе пообещали? Деньги, титул? Бессмертие?

– Ты бредишь! – раздраженно бросил Штефан и схватил меч. – Мы уже обсуждали эти странные идеи! Предъяви хотя бы одно доказательство моей вины!

Дор раскрыл ладонь, на которой лежала бусина. Штефан глянул на нее и передернул плечами.

– Что это? – пренебрежительно спросил он.

– Кордия нашла ее за манжетой убитого Бернарда, – сказал Дор, и Штефан рассмеялся.

– Ты веришь этой ведьме? Да она же меня ненавидит!

– То есть ты признаешь, что бусина твоя?

– Нет, конечно. Меня просто раздражает, что ты веришь какой-то девчонке, которая делала любовные привороты! Стой, так, может она тебя тоже приворожила? Вот ты и носишься с ней, как не пойми с чем! – повысил голос Штефан.

– Кордия видела бусину в моем замке, у тебя в комнате, а Мариан считал с нее последние воспоминания, – тихо сказал Дор. – Я отдал приказ арестовать тебя, Штефан.

– Этих фантазий тебе хватило, чтобы усомниться во мне? Хорош друг, нечего сказать!

– В ночь, когда мы остановились в трактире и я должен был встретиться с лазутчиком, ты не был с той шлюхой в красном платье, – сказал Дор. Он услышал шаги: по коридору шли гвардейцы. – Войдя в комнату, ты выбрался через окно, а потом так же вернулся, чтобы никто не заметил. Ей хорошо заплатил и пообещал забрать в город. Но деньги кончились, и она готова рассказать все судье.

Штефан улыбнулся, и Дор заметил, как расслабились его плечи.

– Блеф никогда не был твоей сильной стороной, Дор.

– Потому что потом ты вернулся и убил ее?

– Как же ты меня утомил! – прорычал Штефан. В этот момент дверь открылась, и в покои вошли два гвардейца. – Вот, значит, как...

– Сабола выдал тебя. Он рассказал, что ты купил у него магический арбалет. Для того чтобы убить меня, не так ли? – спросил Дор. Он кожей чувствовал ненависть, которую источал его бывший друг.

Штефан сделал шаг назад. Дор просчитал, каким будет его следующее действие, и успел отклониться, поэтому острие меча прошло между ребер, чуть-чуть не дойдя до сердца.

Герцог охнул и упал на колени, зажимая рукой рану. Он поднял голову и увидел, как Штефан, ранив гвардейцев, которые пытались помешать ему уйти, выскочил в коридор.

– Взять живым! – крикнул он и ухватившись за край постели, попытался встать на ноги, но снова упал. Кто-то завопил «Герцог ранен! Срочно лекаря!».

Дор мысленно усмехнулся и его захлестнула горечь. Ему никто не сможет помочь. А паника вокруг него... Вряд ли ему станет легче умирать в присутствии других людей, которым хочется зрелища. Перед глазами все кружилось, его прошиб холодный пот. Кто-то заглядывал в покои, что-то спрашивал его, но он не разбирал слов. В ушах гудело. Ухватившись за стул, Дор поднялся. Мокрые от крови пальцы заскользили по лакированной поверхности. Он неуклюже выпрямился и стал растегивать плащ. Боль растекалась по всему телу, дышать было больно. Ему казалось, что все его существо стало сплошной открытой раной. Кровь толчками рвалась наружу. Герцог знал, что это дурной знак.

– Дор! – донесся до него женский голос. Он повернул голову и увидел испуганную Кордию. Плащ соскользнул на пол.

– Вон! – нашел в себе силы рывкнуть Дор. – Пошла вон!

– Тебе нужна помощь! – вскинулась ведьма и сделала пару шагов к нему. Ее взгляд был прикован к груди Дора, где расплылось красное пятно крови. Дор задрожал. Что эта идиотка творит! Кордия же вскинула руки, рисуя в воздухе ка-

кой-то узор. Из-под ее ладоней вспорхнули искры и тут же превратились в тонкую золотистую нить. Дор ощутил легкий толчок в грудь и ему стало легче дышать. Его окутал аромат медовых лугов, согретый летним солнцем. Он подумал, что никогда не видел магию Мариана, даже когда она была нацелена на него. Это немного удивило его. Шум в ушах стал тише, и в голове начала крутиться только одна мысль: – если сюда сейчас войдет первый лорд, то для Кордии это будет полный провал. А она даже не додумалась дверь закрыть. Ну что за беспечность!

– Позови Грету, – прохрипел Дор. – Сейчас же!

Кордия проигнорировала его слова, продолжая колдовать. Ее губы шептали какие-то слова, взгляд был колючим и сосредоточенным. Вокруг нее танцевали разноцветные пылинки. Наверное, это тоже было частью ее магии.

В коридоре слышались шаги и чьи-то голоса. Дору показалось, что он услышал голос Первого лорда. Время на раздумья не было. Схватив со стола книгу, он швырнул ее в ведьму. Книга ударила Кордию в грудь, девушка вскрикнула и упала на спину. Сияние вокруг нее тут же померкло, золотая нить рассыпалась мелкими песчинками. У Дора снова сбилось дыхание, а в ушах зазвенело. Но все это перестало иметь значение, когда на пороге покоев возник Лорен. Он окинул взглядом помещение и, увидев герцога, удивленно вскинул бровь.

– Кажется, вам нужна помощь.

– Обойдусь, – сквозь зубы процедил Дор, мечтая, чтобы Лорен убрался. Первый лорд, кажется, пропустил его слова мимо ушей и протянул руку Кордии. Девушка выглядела обескураженной, словно ее среди ночи выбросили из постели на улицу. Непонимающе посмотрев на отца, она медленно оперлась на его руку. Дор на миг испугался, подумав, а не повредила ли она рассудком из-за того, что магический обряд был прерван.

– Дорогая, тебя всегда пугал вид крови, – мягко проговорил Лорен, глядя дочь по плечам. Кордия в смятении посмотрела на него, а потом перевела взгляд на Дора. Она все еще не пришла в себя и пребывала в растерянности.

В покои вернулся капитан с гвардейцами. Следом за ними семенил лекарь – пожилой мужчина с белым ящичком в руках. Дор видел его несколько раз во дворце, он служил принцессе Дилене.

– Капитан, – Дор старался, чтобы его голос звучал сурово. У него внутри все дрожало, и было очень холодно. – Выведите всех из покоев. Лекарь, оставьте аптечку и убирайтесь!

Дор стянул с себя рубашку и бросил ее на пол. Опустил глаза и посмотрел на рану, оставленную Штефаном. Кровотечение остановилось, и он не сомневался в том, что эта заслуга Кордии. Без ее магии он бы уже истек кровью и умер. Теперь осталась самая малость: промыть рану и зашить. Герцог поежился от предстоящего приключения. Он никогда

никого не зашивал сам, но пару раз видел, как это делали лекари. Достаточно ли этого? Впрочем, в любом случае других вариантов нет.

Промыв рану, Дор взялся за иглу. Шумно втянул в себя воздух. За окном стало светлее и дождь стих. Закусив губу, герцог сделал первый стежок и поморщился. Он пожалел, что не приказал принести вина, так бы ему было легче. Еще одно движение иглы сквозь кожу, и еще. Дор не давал себе передышки, он боялся, что если остановится, то уже не сможет закончить.

Кое-как наложив повязку, Дор без сил рухнул на кровать Штефана. Он знал, что у него не хватит сил дойти до своих покоев. Знал и то, что за дверью стоят гвардейцы и никого не пропустят. Он вспомнил Кордию, творящую магию, и тут же провалился в глубокий сон. Хотя ему показалось, что он умер.

Дор проснулся внезапно. Сердце бешено забилося, и перед глазами поплыли красные пятна. На фоне темноты, царившей в комнате, они были яркими и зловещими. Он замерз, его лихорадило. Приподнявшись, с удивлением обнаружил, что укрыт тяжелым одеялом. Кто такой бесстрашный, что отважился столь близко подойти к нему? От предположения, что это могла быть Кордия, у него на душе стало и тоскливо и сладко. Заметив в кресле чей-то силуэт, Дор напрягся.

– Какой тьмы? – прошептал он. – Жить надоело?

– Не самый банальный способ покончить с собой, согласишься, – раздался низкий голос с легкой хрипотцой. Графиня Локк. – Только не в моем стиле. И ты явно не тот, с кем бы мне хотелось умереть рядом.

– И мне было бы неприятно проснуться рядом с вашим трупом, – проговорил Дор, не понимая, что эта женщина могла забыть здесь.

– Полная взаимность. – Дор не видел лица графини, но понял, что она улыбнулась. – Ты проспал целые сутки. Рядом с кроватью поднос с едой, тебе надо подкрепиться. А еще отвар из трав и мазь, с которой ты сделаешь себе перевязку.

– С чего вдруг такая забота?

– У меня на тебя планы.

– Которые, судя по всему, мне не понравятся, – усмехнулся Дор и ощутил себя в ловушке. Графиня Локк поднялась и тенью двинулась к его постели. Она взмахнула рукой и загорелись свечи. Герцог поморщился, прикрывая ладонью глаза.

– Будешь хорошим мальчиком, и я расскажу тебе, кто заплатил наемникам за смерть твоей семьи, – холодно сказала графиня.

– Что? О чем вы? – Дор рванулся вперед, но рана тут же дала знать о себе острой болью. Он упал на подушки, прижимая руку к повязке, которая стала влажной.

– Ну же, возьми себя в руки! Удел мужчины быть сильным. Не разочаровывай меня, – сказала графиня и бесшум-

но, как привидение, покинула покои. Дор со злостью ударил рукой по матрасу и глухо застонал. Ему нужно как можно скорее встать на ноги. Он потянулся к склянке с отваром и залпом осушил ее. Вкус был отвратительным, и герцога от него чуть не вывернуло. Отдышавшись, он покосился на еду. Есть не хотелось, но у него была цель быстро поправиться, и он заставил себя проглотить несколько ложек супа.

Глава 7. Ведьмин чай | Кордия

Кордия не понимала, что происходит. Перед глазами был туман, мысли путались. Сознание прояснилось, но на такой короткий миг, что она не могла за него ухватиться. Последнее ощущение, которое помнило ее тело – магия исцеления, а потом сильный удар в грудь. А дальше – все будто под водой. Кто-то вел ее, крепко держа за плечи. Ведьма машинально переставляла ноги, которые казались ей тяжелыми и непослушными. Ее о чем-то спрашивали, но она не понимала значения слов.

Кордию усадили, и ее губ коснулось что-то холодное. Оно обожгло горло и ледяным комом прокатилось по пищеводу. Девушка закашлялась, и из глаз у нее брызнули слезы. Ее затрясло, и она словно проснулась. Испуганно захлопала глазами и, подняв голову, увидела перед собой отца. Он внимательно смотрел на нее, сжимая в руках золотистую фляжку. Было в его взгляде что-то такое, что у Кордии по коже побежали мурашки. Судья, который вынес ей смертный приговор, смотрел на нее так же.

– Что случилось? – прокашлявшись, спросила она.

– Ты мне скажи, – ровным тоном сказал Лорен. Его светлые волосы были растрепаны, половина пуговиц на рубашке расстегнута. Можно было подумать, что некое неожиданное

событие вытащило его из постели.

– Я услышала крики, – сказала Кордия и сглотнула. – А дальше не помню...

– Помощник герцога напал на него, – небрежно сказал Лорен. – Ранил в живот и сбежал.

– Дор жив? – вскинулась Кордия и попыталась встать. Отец положил ей руки на плечи, удерживая на месте. – Папа, он жив?

– Когда я уводил тебя, герцог дышал, – сказал Лорен, глядя Кордии в глаза. На чем он хочет подловить ее? Что она такого сделала? Догадка ослепила ее: она использовала магию, чтобы помочь Дору, и отец застал ее за этим. Вот почему он так странно смотрит на нее. Ей стало холодно и захотелось забиться под кровать.

– Я ничего не помню, – сказала Кордия, сцепив пальцы, чтобы они не дрожали.

– Ты была без сознания. Возможно, когда падала, ударила головой.

– Что ты мне дал? – спросила Кордия, чувствуя странные изменения в теле. Ей вдруг стало так жарко, словно ее кровь закипела.

– Ведьмин чай, – сказал Лорен и улыбнулся уголками губ, словно был очень доволен собственным решением. Кордии показалось, что на нее обрушились небеса. Вряд ли она сможет противиться приступу судорог и конвульсий, которые вызывает этот напиток у всех, кто владеет магией, и тогда

отец все поймет и убьет ее.

– Зачем? – прошептала она, сжимая пальцами ткань платья.

– Состояние, в котором ты была, вызвало у меня подозрение, и я решил, что их надо развеять как можно быстрее, – сурово сказал Лорен и положил ей руку на лоб. Усмехнулся и сделал шаг назад.

– Ты всегда этот чай с собой возишь? – пробормотала Кордия, чувствуя, что вот-вот потеряет контроль над собой.

– Ну, я же приехал в логово зверя – не могу же я быть безоружным? – улыбнулся Лорен.

– Зачем ты вообще сюда приехал, учитывая твою ненависть к магии? Ведь здесь она часть жизни, – тихо сказала Кордия. Перед глазами все плыло, она обхватила себя руками, сдерживаясь, чтобы не начать раскачиваться из стороны в сторону.

– Очень скоро все изменится.

– О чем ты?

– Если пройдешь испытание, узнаешь, – ответил Лорен и посмотрел на часы.

– А если нет?

– Думаю тогда, ты не вернешься со мной домой. Твоя могила будет здесь, – спокойно проговорил Лорен, словно речь шла о покупке новых сапог, а не о жизни его дочери. Кордии становилось все хуже. Она старалась призвать свою магию, чтобы та нейтрализовала яд, но магия, не желала ей под-

чиниться. Еще чуть-чуть, и все будет кончено. Можно даже расслабиться и смириться с неизбежным.

Дверь без стука открылась и в покои вошел Лейф. Кордия моргнула, не веря своим глазам. Что он здесь делает?

– Мне сказали, что тебе стало дурно, – подходя к ней, сказал он. Потом обернулся и посмотрел на Лорена. – Прошу прощения, если помешал вашей беседе. Кордия, сейчас придет доктор, чтобы осмотреть тебя.

– Она в порядке, – резко сказал Лорен.

– Я хочу, чтобы гостям в моем доме было хорошо, – пропуская его слова мимо ушей, сказал Лейф. Он приблизился к Кордии и коснулся рукой ее щеки. – Дор сказал, что ты сильно ударила головой.

Кордия подняла голову и непонимающе посмотрела Лейфу в глаза. Тот едва заметно улыбнулся. Он спасал ее. Понимал, что происходит, и старался защитить. Раздался короткий стук в дверь и Лейф милостиво разрешил войти. Перед Кордией вырос долговязый молодой человек с бледным лицом. Она догадалась, что он теперь будет вместо Грега. Он взял ее за запястье и стал вслушиваться в пульс.

– Лорен, пойдете, – подталкивая Первого лорда в спину, ласково проговорил Лейф. – Не будем смущать Никандру.

Кордия проводила мужчин взглядом и еле сдержала вздох облегчения. Ее начало трясти еще сильнее. Приступ должен вот-вот начаться. Ее вырвало. Лоб покрылся испариной, она не могла контролировать хаотичные движения тела и чув-

ствовала себя марионеткой невидимого кукловода.

– Что вы принимали? – строго спросил доктор, посмотрев на лужу на полу.

– Ведьмин чай... – просипела Кордия, заваливаясь на бок. Она сомневалась, что местный доктор знает, что это такое, но по тому, как изменилось его лицо, поняла, что он в курсе.

– Я должен пустить вам кровь, – торопливо сказал доктор, доставая из саквояжа скальпель. – Это облегчит ваше состояние.

Кордия смотрела, как лезвие режет ей кожу и алая кровь стекает в лоток. С каждой потерянной каплей ей становилось легче. Жар отступал, в голове светлело. Перед глазами снова и снова всплывал Дор, прижимавший руки к окровавленной рубашке. Только бы он был жив. Только бы с ним все было хорошо. Ослабев, Кордия провалилась в забытие.

Первое что ощутила Кордия, проснувшись, – боль в руке, туго перебинтованной после кровопускания. Доктор сказал, снять повязку через час, но она уснула. Кое-как разобравшись с узлами, Кордия сняла бинт и провела пальцами по поврежденной коже. То, что случилось ночью, казалось ей дурным наваждением. Она сползла с постели и, пошатываясь, пошла умываться. Несколько раз позвала Грету, но та не откликнулась: видимо, еще не вернулась. Отсутствие служанки вызвало у Кордии легкое раздражение. Даже самое про-

стое действие давалось ей с огромным трудом. Но несмотря на плохое самочувствие, она решила не отказываться от поездки к братьям. Неведенье убивало ее.

Переодевшись в теплое платье и убрав волосы в простую косу, Кордия выскользнула в коридор, неся в руках меховой плащ. Она дошла до покоев герцога, возле которых стояли гвардейцы.

– Вам нельзя туда, ваша светлость, – строго сказал молодой парень с усами. – Герцог отдал приказ не пускать вас.

– Вы знаете, как он? – с надеждой спросила Кордия.

– Его высочество жив. Что-то передать ему?

– Что его запреты вызывают у меня изжогу, – вздохнула Кордия и двинулась к лестнице.

В конюшне было тихо и тепло. Кордию мгновенно разморило, и веки ее, казалось, налились свинцом. Захотелось упасть в сено и уснуть. Она мотнула головой, желая прогнать сонливость. Отрава и потеря крови делали ее слабой и вялой. Кордия с опозданием подумала, что надо было поесть, хотя вряд ли кусок полез бы ей сейчас в горло. Конюх повел лошадь на улицу, и она двинулась следом за ними. Замешкалась и на выходе столкнулась с Лейфом.

– Что ты здесь делаешь? – вырвалось у Кордии, прежде,

чем она поняла абсурдность своего вопроса.

– Решил покататься верхом, – ответил Лейф и кивнул в сторону лошади, которую другой конюх вел в стойло. – Мне нужно было подумать.

Кордия стиснула пальцы. Лейф всегда любил лошадей – пожалуй, намного больше, чем кого-то из людей.

– Один, без свиты? – усмехнулась Кордия, окидывая Лейфа взглядом. На нем был короткий меховой плащ, на ногах – высокие сапоги для верховой езды. Черные волосы, чуть влажные от морозящего дождя, волосы гладко зачесаны назад. От него пахло мхом и лесом.

– Не привык еще к ней, – ответил Лейф. Кордия смотрела на него и снова узнавала в нем того парня, в которого влюбилась. Спокойный, простой, искренний... ностальгическое чувство мягкой волной обдало ее с головы до ног. – Мать, конечно, будет ругаться. Она хочет, чтобы все было правильно.

– Но король ведь ты, – выпрямившись, сказала Кордия.

– С виселицы на трон... Сказочное приключение! – улыбнулся Лейф, и его глаза заблестели. – Не могу отделаться от ощущения, что за мной вот-вот придут и все закончится.

– Спасибо за вчерашнее, – тихо сказала Кордия. Он сделал шаг к ней и коснулся рукой ее щеки. – Как ты узнал, что мне нужна помощь?

– Я видел, как ты пыталась спасти Дора, – прошептал Лейф, глядя ей в глаза. Его горячее дыхание скользнуло по ее губам. – Твой отец как раз подходил к покоям, и я подумал,

что он тоже все понял. Я не мог тебя потерять, понимаешь?

– С-спасибо, – Кордия едва выдавила из себя это слово. От близости Лейфа сердце бешено колотилось. Он взял в руки ее лицо и поцеловал в губы. Она ответила ему, сама не понимая, как решилась на это, после всего, что случилось. Одну руку он запустил ей в волосы, другой обнял за талию и притянул к себе. Ей показалось, что они вернулись в прошлое: те же запахи и звуки вокруг. Сколько времени там, в Кассии, конюшня была их тайным убежищем для свиданий. Образ убитой Мины, всплывший перед внутренним взором Кордии, мгновенно отрезвил ее. Она прервала поцелуй и отвернулась.

– Пришлю вечером за тобой слугу, – сказал Лейф, не спеша выпускать ее из объятий.

– Я не приду, – сказала Кордия, убирая его руки со своей талии.

– Ты не можешь отказать королю.

– Королю не могу. – У самого выхода Кордия обернулась и посмотрела на Лейфа. – А тебе я говорю «нет». Между нами больше ничего не будет.

– Я в этом не уверен, – сказал Лейф, но привычного пафоса в его голосе не было. Кордия пожалала плечами и вышла на улицу.

Добраться до дома, где поселились братья, оказалось для Кордии подвигом. Она с трудом держалась в седле, ее клонило в сон. Она чувствовала себя вялой и больной: ведьмин чай все еще отравлял ее организм. Если ее увидит отец, то все поймет. Впрочем, он уже и так все понял. Ему только нужны доказательства своих подозрений, чтобы судить ее по-настоящему. Она вспомнила, как он обошелся с мамой, и ее охватила злость. Через что ей пришлось пройти по его вине! В том, что отец может быть очень жестоким, Кордия никогда не сомневалась, но ей хотелось верить, что на их семью его жестокость не распространяется. Как же она ошиблась!

Кордию встретил хмурый слуга. Она отдала лошадь на его попечение и поднялась на крыльцо. Постучала в дверь, и она тут же открылась. На пороге стоял бледный и не выспавшийся Оскар. Он пропустил ее в дом и помог снять плащ. Взгляд девушки упал на высокие сапоги, стоявшие на ящике. Она узнала их, хотя таких, наверное, сотни, но именно эти с трещинкой, похожей на змейку, она видела всего пару дней назад, когда ее везли в тюрьму. Сапоги Бальтазара. Какой тьмы они стоят здесь? Она подняла взгляд на Оскара, и тот прижал палец к губам. Значит, ее догадка верна. От страха, что за этим может последовать, у Кордии перехватило дыхание. Она согнулась, стараясь втянуть в себя воздух. Оскар взял ее за плечи и посмотрел в глаза.

– Ни о чем не беспокойся, – прошептал он. Кордия с недоверием посмотрела на него, но предпочла кивнуть. Спазм

немного ослаб, и она смогла вдохнуть. Оскар протянул ей стакан с вином, но она покачала головой.

– Отец накачал меня ведьминым чаем. Мне нельзя, – одними губами, прошептала она. Лицо Оскара исказила болезненная гримаса. Он сгреб Кордию в охапку и поцеловал в макушку. Она тихо всхлипнула, и слезы сами покатались из глаз. Стараясь взять себя в руки, она отстранилась от брата и вытерла мокрые щеки.

– Как Августин? – спросила Кордия. Оскар кивнул в сторону комнаты, и она пошла следом за ним.

Разговор с братьями еще сильнее расстроил Кордию. В глубине души она надеялась услышать, что с мамой все хорошо, что отец просто соврал ей, желая манипулировать ее чувствами. Но нет, все оказалось правдой. Она была зла на отца, ее сжигала ненависть, а в ушах продолжали звенеть слова Оскара «Мы можем вернуться туда только как захватчики». Пойти войной против отца? Но как? Кордию ужаснуло, что она всерьез рассматривает такую возможность.

Въехав на территорию дворца, она спешила и отдала поводья подбежавшему слуге. Поправила волосы, выбившиеся из прически, и глубже надвинула капюшон. Ей не хотелось, чтоб кто-то узнал ее и подошел к ней с разговором. От галопа, которого она придерживалась большую часть поездки, у нее покраснелось лицо и начала ныть спина. С трудом под-

нявшись по крутым ступенькам, Кордия прошла по коридору, ведущему в Яблочную залу. Там она застала Грету, сидящую в одиночестве за столом. Служанка вяло помешивала ложкой суп, устремив рассеянный взгляд на висящую на стене картину. Кордия села напротив нее и внимательно посмотрела на Грету.

– Ты знаешь о том, что случилось с Дором?

– Весь дворец гудит об этом! – вздохнула Грета. – Я уже заходила к нему. Графиня Локк была со мной. Мы сделали ему отвар и немного поработали магией. Он не тот, кого можно исцелять без опаски.

– Как он?

– Плохо, но уже не смертельно.

– Где ты была вчера?

– Сперва в лесу, лечила Мариана, – глухо ответила Грета. – Он очень, очень слаб. Когда его привезли в Башню, наша связь прервалась, но он сегодня снился мне. Он умирал во время пыток, но что-то вернуло его.

– Талика, скорее всего это она, – задумчиво откликнулась Кордия. – В прошлый раз она не дала ему умереть.

– Мы должны найти способ помочь ему, – тихо проговорила Грета. Кордия кивнула, хотя у нее не было ни одной идеи, как это можно сделать. – Но здесь, во дворце, нам нужен еще один целитель. Я попросила об этом графиню Локк, и она согласилась. Завтра сюда придет военный чародей, который занимался целительством на границе. Сейчас опасно

брать кого-то из гражданских.

Кордия не могла отделаться от ощущения, что она что-то упустила.

– А где ты была утром? Конюх сказал, что ты решила покататься верхом, но ведь это не так, да? – спросила Грета после долгой паузы.

– Я навещала братьев, – прошептала Кордия и огляделась по сторонам. Грета нахмурилась и потерла пальцами виски.

– Ты доверяешь Оскару? – потянувшись к ней через стол, спросила она.

– Почему ты меня об этом спрашиваешь? – подавшись навстречу подруге, спросила Кордия.

– Вчера к нам приезжал Бальтазар, – поделилась Грета и Кордия дернулась. – Сперва они с Оскаром повздорили, а потом вместе напились и ночь он провел в доме. С меня взяли слово, что я ничего не скажу тебе.

– Но ты его нарушила...

– Да, потому что ты единственная, кто может помочь Мариану, – резко сказала Грета и поднялась. – И значит, с тобой все должно быть в порядке.

Кордия проводила взглядом удаляющуюся фигурку Греты и откинулась на спинку стула. Она знала, что Бальтазар ее ненавидит и найдет возможность использовать свое знание о том, что Августин жив, против нее. Он может потребовать от нее все, что угодно и она не сможет отказать. Вот тьма!

Аппетит у Кордии пропал, и она вышла из Яблочного за-

ла.

Переступить порог лабораторий Мариана оказалось неожиданно сложно. Кордия топталась на пороге, нервно сжимая ручку двери влажными пальцами. Войти туда, означало признать, что чародея здесь больше нет и это место ему не принадлежит. Ворон за ее спиной тревожно каркнул, и она обернулась. Птица подлетала к ней и уселась на плечо, царапнув когтями кожу сквозь ткань платья.

Тряхнув головой, Кордия заставила себя войти и тут же утонула в аромате пряных трав и терпких масел. У нее закружилась голова, и во рту появился сладкий привкус. В ушах зазвенело, а потом звон превратился в чей-то зловещий шепот. По коже ведьмы пробежал озноб. Она щелкнула пальцами, зажигая свечи. Магия тянущей болью отозвалась в солнечном сплетении, и девушке стало жарко. Она отодвинула стул и села за массивный стол, на котором стоял шар возможностей. Заглянуть в будущее – вот то, что ей сейчас необходимо.

Кордия еще не до конца понимала, как работает магия. Из рассказов Зоуи она знала, что землю окутывают тонкие сети, по которым течет магия, – вены богов. Они всегда наполнены силой и неисчерпаемы до конца времен, потому что, когда чародей подключается к ним, он отдает свои эмоции и

время, тем самым питая их. Случайно подключиться к ним может любой человек, отсюда и вещие сны и предчувствия, но работать по-настоящему мог только тот, кто обладал особым даром и чей род был отмечен богами. Чаще магия передавалась из поколения в поколение, и род был подключен к одному источнику. Но случалось так, что магия наследовалась хаотично, и невозможно было предсказать, будет твой ребенок носить магию или нет. Многого зависело от того, насколько предок пользовался ею. Чем больше, тем лучше. Но и тут иногда случались казусы. Из-за частого пользования поток мог иссякнуть и, никто не мог объяснить, почему так происходит.

Кордия перебрала несколько мешочков с травами, интуитивно стараясь подобрать нужный. Остановившись на самом терпком аромате, она бросила щепотку в огонь. Послышался треск, и дым тонкой паутинкой оплел помещение. Ведьма старалась не ерзать, сосредоточившись на шаре возможностей. Ей было страшно и тревожно, как всегда, когда она пыталась заглянуть в будущее. Ведьме хотелось узнать, что происходит с мамой, но задать о ней вопрос напрямую, не хватило мужества. И тогда она переключила внимание на отца. Кордия знала, что чаще всего о событиях, которые должны произойти в жизни человека, можно узнать через его родных.

Видение не спешило проявляться. Кордия смотрела в пустой шар, и тревога становилась все сильнее. Во рту пересох-

ло, и ей захотелось пить. Магия все сильнее пульсировала, растекаясь по всему телу. Ворон спрыгнул с ее плеча на стол и засуетился. Ведьме показалось, что она не одна, что кто-то пожаловал в гости. Она оглянулась, но никого не увидела, а когда снова повернулась к шару, то от увиденного забыла, как дышать: там Оскар убивал их отца.

Кордия попыталась понять, где это происходит, но не смогла. Все случилось слишком быстро. Оскар выхватил меч, вскинул руку вперед и пронзил первому лорду сердце. Двинулся назад, выдергивая из его тела окровавленный клинок. Отец пошатнулся и упал. Из рта потекла тонкая струйка крови. Он вздохнул и, устремив безжизненный взгляд в пустоту, замер. Картинка зарябила и рассыпалась.

– Нет, нет. Не хочу, чтобы так было! – прошептала Кордия и закрыла руками лицо.

– Для нашего рода – это неизбежно, – раздался тихий, еле слышный женский голос. Кордия подняла лицо от ладоней и увидела призрак девушки, сидящей на столе. У нее были длинные темные волосы, перехваченные лентой. Белое платье мягко облегло тело. На запястьях сверкали браслеты, пальцы были унизаны кольцами. Большие темные глаза обрамлены густыми черными ресницами, губы пухлые, чувственные. Единственное, что портило внешность этой идеальной девушки, – черный шрам на шее, похожий на зияющую пропасть. – Хотя, если бы ты дала умереть Дору, ничего бы этого не произошло.

– Талика? – прошептала Кордия, чувствуя, как в лаборатории становится холодно.

– Я рада, что ты меня теперь видишь. Так нам будет намного приятней общаться, – сказала Талика. – Раньше ты меня не слышала.

– Ты приходила ко мне, когда я была в тюрьме? – догадалась Кордия. Талика кивнула и спрыгнула со стола. Темные волосы до колен окутали ее, словно шаль.

– Хотела предупредить тебя о Матушке Дрю, – вздохнув, сказала она. – Так как ты перестала чувствовать свою магию, то не замечала, что она крадет ее у тебя.

– Но зачем?

– Чтобы уничтожить короля Дамьяна, и занять его место. Исполнить древнее пророчество. А еще – чтобы подразнить Мариана ароматом моей магии, теперь уже твоей, – пожав плечами, ответила Талика. – Лейф и его чудесная мамаша потомки чародея Аскалона. Того самого, который проклял весь род Дронтов, за то, что они его предали.

– Что ты знаешь об этом проклятии? – спросила Кордия, глядя, как Талика расхаживает по лаборатории Мариана. На щиколотках ее босых ног подрагивали цепочки с подвесками.

– Много чего, – улыбнулась Талика. – Я даже смогла увидеть, как оно было сделано.

– То есть, ты знаешь, как его снять?

– Конечно, нет! – рассмеялась Талика. – Оно умрет с са-

мым последним членом семьи Дронтов, и ни минутой раньше. Аскалон был слишком обижен, чтобы оставить лазейку или совершить промах, которым бы мы могли воспользоваться. Он ведь даже детей своих не пощадил. Каждый из погибших королей Аталаксии был убит рукой его потомка, но после этого убийства тот погибал сам. Такова была жертва, без которой подобное проклятие существовать не сможет, – жизнь того, в ком течет кровь Аскалона. А через тридцать три года все снова повторилось.

– Но как... как такое возможно? – пробормотала Кордия.

– Игра проклятий, – пожал плечами, равнодушно проговорила Талика. – Аскалон был силен, но не мудр. Все, чего он хотел – признания и славы, из-за этого и погиб. Нашего предка он ведь тоже проклял. Омари не хотел допустить такой жестокости и пострадал за это, а вместе с ним и все мы. Каждый раз его потомки пытаются помешать убить нового короля, хотят остановить кровопролитие, но у них это никогда не получится. Проклятие родной крови – вот чем поражен каждый член нашего рода! Брат идет на брата, отец убивает сына, сестра брата. И так будет всегда, пока живы Дронты.

– Хочешь сказать, что Оскар убьет нашего отца, потому что это неизбежно? – прошептала Кордия. Ее пальцы стали ледяными, плечи ныли от напряжения.

– Если ты отправишь Дора на тот свет, ничего этого не будет. Проклятие остановится, – спокойно сказала Талика. –

Ты сделаешь то, чего не смог ни один из Омари, и тем самым спасешь всех.

– Какая тебе от этого выгода?

– Да никакой, я же ради тебя стараюсь!

– Так же, как и для Мариана, да?

– Ох, уж этот Мариан! – Талика мило улыбнулась. – Его прапрабабка была той, кого Аскалон боготворил. Уличная плясунья, гадалка... между ними ничего не было, но девчонка стала его светом. Именно ей он доверил своих дочерей, когда его обвинили в заговоре. Она спасла их, не зная, что малышки – часть чудовищного плана... Мариану досталась ее магия и она должна была нейтрализовать тьму Аскалона.

– То есть, ты использовала его, – вздохнула Кордия, и ей стало очень больно за чародея. Она видела, как много для него значила Талика.

– Ему это пошло на пользу, – с улыбкой сказала Талика. – Без меня он бы ничего не достиг, сидел бы в своей пекарне и страдал, пока магия бы его не убила. А так у него была очень интересная жизнь, о которой многие могли лишь мечтать.

– Только он по-настоящему влюбился в тебя, – с горечью сказала Кордия.

– Это вышло случайно – побочный эффект магии, – равнодушно ответила Талика. – А тебе я всерьез советую подумать над моими словами о Доре. Знаю, он тебе нравится, но это не приведет ни к чему хорошему. Дело в том, что мой добрый брат Сабола сделал герцогу интересное предложе-

ние: он приносит ему твое сердце, а тот отводит его к чародею, который может освободить его от проклятия. Думаешь, он устоит? Ему ничего не стоит убить тебя одним прикосновением. Ведь на кону стоит его свобода, возможность продолжить род. Стать нормальным.

– Он мне об этом ничего не сказал, – расстроено проговорила Кордия.

– И не скажет, он же не идиот, – усмехнулась Талика и тряхнула головой. – Так что для тебя же будет лучше взять все в свои руки.

– Но зачем Саболе моя смерть?

– Забрать себе мою магию. Его очень гложет, что, убив меня, он не смог получить то, ради чего пошел на преступление. Я рада, что он отказался с тобой встречаться, мне было бы грустно, если бы из-за моей просьбы ты погибла. Тогда мне хотелось верить, что Сабола мог бы измениться, но... Нет.

– Мой отец... как он связан с Сабой?

– Дедушка Лорена был его троюродным братом, – нехотя ответила Талика, и Кордия заметила, что ее силуэт стал смазываться. Похоже, время их встречи подходило к концу. – Позже их пути разошлись. И нет, Сабола непричастен к той бойне, которая заставила твоего отца возненавидеть магию. Мне пора, дорогая. Чем сильнее ты становишься, тем чаще мы можем общаться. Ты даешь мне возможность материализоваться.

– Скажи, если каждый из рода Аскалона, убив короля умирает, то почему мать Лейфа жива до сих пор?

– Она знала правила и успела принести жертву, – губы Талики искривились в улыбке, похожей на гримасу. Послышался треск, словно кто-то поджег сухое дерево. Облик чародейки задрожал, и она, издав глухой стон, растворилась в полумраке. Настроение призрака показалось Кордии странным. Талика была совсем не похожа на ту, кем была в теле Зоуи, и явно не той, кто писал письмо своему брату Саболе, что не хочет проливать кровь. А теперь она призывала ее убить Дора... Что случилось? Почему она так изменила своим принципам? У Кордии мелькнуло подозрение: – а не иллюзия ли это, созданная кем-то, кто хочет смерти герцога? Ей нужно поговорить с ним, узнать правду о предложении Саболы.

Кордия уронила голову на руки и тихонько всхлипнула. Она чувствовала себя слабой и беспомощной. Не могла понять, что ей делать и где искать поддержку. Ворон, кружа по комнате, задел ее крыльями. Ведьма подняла голову и посмотрела на вторую птицу, сидящую на жердочке. На краю стола лежала карта с каким-то рисунком. Кордия потянулась к ней и, взяв в руки, увидела изображение ворона. Она непонимающе посмотрела на птицу, та демонстративно отряхнулась, словно взгляд девушки оскорбил ее.

Дверь открылась, и в лабораторию вошла Грета. Хмуро глянула на Кордию и сурово спросила:

– Что ты здесь делаешь?

– Мне не нравится тон, которым ты со мной разговариваешь! – строго сказала Кордия. Она кожей чувствовала, что отношение Греты к ней изменилось, но не могла понять причину. Что могло измениться за одну ночь? Или все дело в тревоге за Мариана?

– Простите меня, ваше высочество, – покорно извинилась Грета и сделала реверанс. – Я забылась.

Кордия ничего не ответила. Положила карту с вороном на стол и, щелкнув пальцами, погасила все свечи.

Глава 8. Новый союзник | Бальтазар

Оскар не убил его по пути в Шиоронию, хотя им пришлось провести пару часов в одной карете. Бальтазар молчал, его спутник тоже не спешил общаться. В воздухе витало напряжение, но никто не старался его разрядить: слишком много недомолвок осталось между ними после этой ночи. Их отношения и прежде нельзя было назвать дружескими, хотя Бальтазару молодой барон был симпатичен, и он даже старался защитить его перед герцогом. И вот теперь он знает его тайну – то, что он устроил побег тому, кто покушался на короля. А еще, этот парень его брат, и как генерал королевского сыска он не может оставить это преступление просто так. Не должен. Но не мог отделаться от ощущения, что эта история может дать ему намного больше, если он о ней промолчит.

Бальтазар посмотрел на Оскара. Тот выглядел озабоченным, то и дело хмурился и кусал губы, отчего на них появились красные пятна. «Надо же, какой эмоциональный! – отметил про себя бывший разбойник. – Оскар – сын первого лорда Кассии и брат ведьмы Кордии. Кто бы мог подумать, что он так полон сюрпризов»!

– Ты так и не озвучил цену за свое молчание, – сказал Оскар. Карета дернулась, когда колесо наскочило на ухаб, и они ударились коленями. Бальтазар поморщился.

– Не беспокойся, она будет высокой, но вполне подъемной для тебя, – успокоил барона Бальтазар.

– Почему ты не озвучишь ее сейчас? – Оскар нервничал и не мог скрыть это. Бальтазар мысленно усмехнулся. На его месте он бы прикончил любопытного наглеца, тем самым существенно облегчив себе жизнь, и он совсем не понимал, почему барон оставил его в живых.

– Ты ведь в курсе того, что сейчас творится во дворце? – откинувшись на спинку скамейки, сменил тему Бальтазар. Оскар кивнул. – Что ты собираешься делать дальше?

– Что именно ты хочешь узнать? – прищурившись, спросил Оскар.

– На чьей ты стороне. Ведь на троне сейчас сидит самозванец, такой же висельник, как и я в прошлом, а это значит, что на самом деле Аталаксия не имеет короля, она обезглавлена.

– Напекаешь, что хотел бы занять его место? – усмехнулся барон.

– Для тебя это тоже шанс доказать кое-кому, что ты хорош, – едва заметно улыбнулся Бальтазар. Он не хотел упоминать Первого лорда, у него до сих пор болел живот, после того как Оскар ударил его.

– Ищешь сообщника?

– Союзника, – поправил Оскара Бальтазар. – Судьба дает нам хорошую возможность повеселиться, будет грустно не воспользоваться ею.

– Где гарантия, что ты не хочешь подставить меня?

– О чем ты, Оскар? – рассмеялся Бальтазар. – Какие, к тьме, гарантии? Ты меня явно с кем-то спутал. Ладно, если тебе нужны обещания, то могу сказать, что, если ты скажешь мне «да», скучно тебе точно не будет.

– Я не понимаю, зачем тебе все это.

– Какой нищий не мечтает проснуться королем? – улыбнулся Бальтазар. – Я слишком хорошо знаю Лейфа, чтобы понимать, что моя голова слетит с плеч первой, потому что он тоже хорошо знает меня и не потерпит моего присутствия во дворце, впрочем, как и большинство тех, кто был верен Дамьяну. У нового короля будет новое окружение – те, кто никогда не узнает, кем он является на самом деле.

– Ты хочешь занять его место?

– Или возвести на него того, кто больше достоин, – загадочно произнес Бальтазар. Ему нравилось дразнить Оскара.

– Я думал, ты прихвостень герцога. Его ты в расчет не берешь?

– Скажем так, у меня к нему есть вопросы, – приглаживая волосы, сказал Бальтазар. Пускаться в откровенности он не собирался. – Неужели ты его тайный поклонник?

– А что, похоже? – хмуро проговорил Оскар, напомнив Бальтазару ворчливого старика. – Наши семьи слишком долго враждуют, чтобы я испытывал к нему теплые чувства.

– Так что ты мне ответишь на мое предложение, Оскар?

– Мне надо подумать.

– У тебя есть время до вечера, и ни минутой дольше, – сказал Бальтазар и выглянул в окно кареты. Они въехали в город. Вокруг царила суета, пахло свежей выпечкой. – Ты знаешь, где я живу?

Оскар кивнул. Приблизив к себе бывшего разбойника, Дамьян пожаловал ему замок, благополучно конфискованный у менее сговорчивого подданного. Он казался Бальтазару пафосным и бестолковым, там не было нормальных укреплений и дуло так, что приходилось спать под двумя одеялами и в шапке, но он принял подарок с благодарностью. Хотя для себя на такой бы никогда не позарился.

– Тогда жду тебя вечером, – сказал Бальтазар и, выбравшись из кареты, помахал Оскару рукой и смешался с толпой.

Должность генерала королевского сыска нравилась Бальтазару все больше. Теперь он мог официально прийти куда угодно, а раньше такие вещи требовали от него гораздо больше усилий. Тогда нужно было все спланировать, найти сообщников, инструменты, а сейчас достаточно назвать свое имя и покрасоваться в мундире. Красота, да и только! Радость омрачало лишь одно: он знал, что – скоро все закончится.

Их знакомство с Лейфом началось драматично: тот убил двух друзей Бальтазара, когда хотел захватить его территорию. Бальтазар не смог оставить это просто так и донес на

него. Наглеца арестовали, справедливость не восторжествовала: вмешалась девица Лейфа и вытащила его из тюрьмы. За это он всей душой возненавидел Кордию. Позже он снова попытался отомстить Лейфу, но все его попытки оказывались неудачными, словно этот тип был заколдованным и неприятности отскакивали от него, как орешки от стены. Бальтазар планировал ловушку, из которой тот никак не смог бы выбраться, но за два дня до этого он узнал, что Лейф погиб в пожаре. Этому происшествию было множество свидетелей, и ему пришлось поверить в гибель Лейфа, хотя червячок сомнения все же терзал его, уж слишком удачливым был это ублюдок. Да и не стал бы рисковать своей жизнью ради какого-то старика, в этом Бальтазар был абсолютно уверен. Однако после этого происшествия Лейф действительно исчез. Никто о нем ничего не слышал, словно он, и правда, умер.

Слежка за Кордией тоже ничего не дала: девушка переехала в другой город и стала жить тихо и скромно. Правда, хватило ее только на пару лет, и когда ее приговорили к костру, Бальтазар даже не удивился, мысленно позлорадствовал и даже выпил за такой конец жизни девчонки, которая разрушила его планы. Он собирался пойти на казнь, чтобы увидеть ее последний вздох своими глазами, но Оскар сорвал ему это удовольствие.

Увидев Грету, медленно идущую по теремному двору, Бальтазар расправил плечи. Его взгляд был прикован к ее хрупкой фигурке. Рыжие локоны подрагивали над плечами,

а синий цвет плаща подчеркивал яркость глаз. Она запала ему в душу с первого взгляда, но их пути почти не пересекались, и сейчас он был рад возможности сблизиться с ней. Грета стала подниматься по ступенькам крыльца, ведущего в Узкую башню, но заметив Бальтазара, замерла, придерживая пальцами юбку.

– Ну же! – усмехнулся он. – Большая часть пути уже позади. Неужели сделать два шага так сложно?

Он протянул Грете руку, но она проигнорировала этот жест. Бальтазар отстранился, пропустив ее вперед, затем неспешно подошел к двери и распахнул ее. Ведьма юркнула в темноту, и по звуку, раздавшемуся оттуда, он понял, что она споткнулась о ступеньку. Сдержав смешок, двинулся следом.

– Не хочу быть навязчивым, но здесь неплохо делить дорогу с кем-то, кто в курсе, как идти, – сказал Бальтазар, наблюдая за девушкой. В полумраке было лишь видно, как блестят ее глаза.

– Хорошо, – подавив вздох, сказала Грета, словно делая ему одолжение. Он приобнял ее за талию, и они стали подниматься по лестнице.

– Зачем тебе встречаться с Марианом? – спросил Бальтазар.

– Это личное.

– Правда? Не помню, чтобы вас связывали отношения. Ты ведь была служанкой герцога, а потом он приставил тебя к Кордии. Или ты для нее стараешься? Помнится, она с чаро-

деем была очень близка, до сих пор живет в его покоях, – сказал Бальтазар и ощутил, как напряглась Грета. Девушка постаралась отстраниться от него, но у нее не вышло: коридор был слишком узким для маневров.

– Я же сказала, что это личное, – раздраженно проговорила Грета и с вызовом посмотрела на него. – Услуга за услугу – разве это не так звучало? Я выполняю твою просьбу, а ты – мою. Так к чему все эти вопросы?

– Я любопытный. Разве это преступление? Тем более, нам придется часто общаться, а значит, мы можем стать друзьями, – сказал Бальтазар. – Чем не повод познакомиться ближе?

– У меня нет ни малейшего желания с тобой дружить! – отрезала Грета.

– Это может быть очень выгодно.

– Я не Оскар, такое предложение меня не впечатлит, – сухо ответила Грета. Они вошли в коридор пошире, и она отстранилась от него. Отряхнула руку, словно его тепло казалось ей неподъемным грузом. Это болезненно задело его.

– Внешняя репутация не всегда говорит о человеке.

– Зато очень хорошо рассказывает о его поступках.

– Я думаю, Кордия расстроится, если узнает о нашем договоре.

– Так же, как и Дор, если кто-то ему о нем вдруг проговорится, – холодно сказала Грета, и Бальтазар мысленно ей поаплодировал. Пожалуй, с нею точно будет интересно. Слож-

ные вызовы всегда вдохновляли его.

– Мне кажется, он не узнает, – шепнул ей Бальтазар и, ускорив шаг, двинулся вперед.

Проводив Грету до камеры, где держали Мариана, Бальтазар направился к начальнику тюрьмы. Приехав сюда, он решил одним махом решить сразу два важных дела. От предвкушения того, что он задумал, у него горели щеки, а сердце билось так часто, словно он напился вина.

Начальник принял его без промедлений. Бальтазар огляделся. Кабинет, в котором он сидел, был под стать всей башне – узкий, мрачный и холодный. Не спасли его ни свечи, горящие повсюду, ни картины на стенах с приятными морскими пейзажами и яркими цветами в корзинках. Ему это показалось довольно странным сочетанием. Он перевел взгляд на хозяина кабинета. Это был мужчина лет сорока, очень худой, с жиденькой седой бородкой и заметными залысинами на лбу.

– Неожиданно вас здесь увидеть, – оглядев Бальтазара с ног до головы, изрек тот. Бывший разбойник знал, что далеко не все принимают его как нового генерала королевского сыска, и сделал вывод, что этот человек из их числа.

– Отчего же? – пожал плечами Бальтазар. – Посещать тюрьмы и вести беседы с подозреваемыми часть моей рабо-

ты.

– Разве после ранения герцога де Барта не все силы брошены на поиски его убийцы? – изогнув бровь, поинтересовался начальник тюрьмы.

– О чем вы?

Губы начальника скривились в презрительной улыбке.

– Как, вы не знаете? Это выглядит очень подозрительно. Не справляетесь с обязанностями? – Его ехидный тон разозлил Бальтазара, отчего тому так захотелось въехать начальнику кулаком в челюсть, что он с трудом удержался от этого соблазна.

– Не стоит обо мне так сильно беспокоиться, – спокойно сказал Бальтазар и смерил начальника равнодушным взглядом. – Или у вас так много свободного времени? Могу это исправить.

– Будет лучше, если вместо этого вы займетесь поиском преступника.

– Конечно. А сейчас перейдем к делу, ради которого я здесь. Мне нужно, чтобы вы сделали запрос в тюрьму Святой Улии о бывшей заключенной Кордии Роса. Пусть пришлют все допросные листы и записи суда, а также испытаний, – сказал Бальтазар. – Это срочно, завтра документы должны быть у меня.

– Вы хотите невозможного.

– Для того вы и занимаете свою должность, чтобы делать невозможное реальностью, – сухо сказал Бальтазар. – У вас

сутки. Этого достаточно, чтобы доехать до Карлии и вернуться обратно.

Начальник ничего не ответил: видимо, понял, что спор ни к чему хорошему не приведет. Бальтазар, рассерженный тем, что упустил важное событие во дворце, выскочил в коридор. Ему хотелось схватить Грету и быстрее помчаться к Дору, чтобы узнать, что с ним произошло. Но Грета все еще была у Мариана, и ворваться к нему в камеру ему не позволили стражи. Мол, там уже есть посетитель, ждите. Это раздосадовало его еще больше, но он не стал настаивать. Сбежал по ступенькам вниз и вошел в помещение, где отдыхали стражи. Оно было маленьким, холодным, и в нем воняло кислым мясом. На маленькой скамеечке привалившись к стене, сидел один из стражей.

– Слышал, что случилось с герцогом? – спросил Бальтазар.

– Да только глухой не в курсе! – недовольно вздохнул страж.

– Можешь пересказать, что в народе ходит? Любопытно, насколько все переврали.

– По службе надо? – окинув его взглядом, зевнул страж. Бальтазар кивнул. – Ну, что герцога ранил его секретарь. Мол, тот узнал, что он на стороне простого народа, то есть с мятежниками, а герцог хотел его за это в тюрьму посадить. А тот ударил его и сбежал к своим.

– То есть, герой, – вздохнул Бальтазар, у которого никогда

не было доверия к Штефану: тот казался ему скользким и двуличным.

– Ну так, – развел руками страж. – Люди на его стороне, это точно.

Бальтазар вышел в коридор, прислонился спиной к холодной стене и потер ледяными пальцами виски. Голова после вчерашней пьяники трещала, и он чувствовал себя больным. На лестнице послышались шаги, и через мгновение он увидел заплаканную Грету. Она снова споткнулась, потому что из-за слез ничего не видела. Он успел подхватить ее за локоть и тут же потащил за собой. Ему нужно было как можно скорее попасть во дворец.

Глава 9. Личная беседа | Дор

Стиснув зубы, Дор сдернул повязку с раны, осторожно промыл ее, радуясь, что она не загноилась и уже подживает. Помогали отвары графини Локк и целительская магия Греты. Герцог все еще был слаб, его шатало, а перед глазами летал рой мошкар, хотя он уже мог держаться на ногах. При других обстоятельствах, он позволил бы себе поваляться в постели и дожидаться улучшения своего состояния, но времени не было. Ему нужно было срочно поговорить с Лейфом о Дилене. Его раздражало, что такой важный разговор откладывается снова и снова.

Умывшись и кое-как пригладив волосы, Дор с третьей попытки влез в защитный плащ. Он показался ему тяжелым, словно наполненным железной стружкой. Как он прежде не замечал этой тяжести? Рана, потревоженная движениями, заныла, и его бросило в пот. Он подумал о Штефане. Где он сейчас? Помогают ли ему скрываться новые друзья? Или, может быть, Альба? От последней мысли ему стало особенно неприятно, но душевной боли не было, только чувство глубокой досады на собственное заблуждение и наивность. Ведь он продолжал любить Альбу той девочкой, которой она уже не была.

Выйдя из покоев, Дор натолкнулся на небольшой столик

заваленный конвертами с донесениями. Гвардейцы тут же расступились, чтобы случайно не соприкоснуться с ним. Он сгреб обеими руками письма и медленно двинулся в сторону Яблочной залы. В памяти всплывали обрывки разговора с графиней Локк. Был ли он в реальности или ему это приснилось? И если все правда, то какую цену она назовет ему в обмен на имя убийцы его семьи? Дор почувствовал тупую боль под ребрами глухо заныло, и остановился, чтобы дать себе передышку.

Дверь покоев Мариана открылась, и оттуда выскользнула Кордия. Бледная, с темными кругами под глазами, она выглядела больной, но Дору все равно хотелось смотреть на нее.

– Дор... – выдохнула она, глянув на него. – Ты не слишком рано поднялся?

– Поможешь мне разобраться с этой писаниной? – прохрипел герцог.

– Да, конечно, – отрывисто произнесла Кордия и посмотрела в сторону лестницы. – Только...

– Ты занята?

– Я должна встретиться с военным чародеем, – облизав губы, сказала Кордия. – Грета попросила меня присутствовать при их беседе. Он должен прийти через несколько минут.

– Зачем Грете военный чародей? – растерялся Дор. – И кто ей это разрешил?

Кордия пожала плечами. Она собралась что-то ответить, но тут из покоев вышла Грета и взяла ее под руку. Увидев герцога, она тут же отшатнулась от подруги и сделала книксен, покорно склонив голову.

– С вашего позволения, ваше высочество, – проговорила Грета, и выпрямившись, повернулась к Кордии, – мы должны идти.

Дор проводил взглядом их тоненькие фигурки и зашагал к Яблочной зале.

Ознакомившись с посланиями, Дор не на шутку расстроился: все стало хуже, чем неделю назад. Вспыхнул очередной мятеж, уже недалеко от Стонвона, а это было по-настоящему опасно из-за его близости к столице. У границ были замечены отряды не только драммарцев, но и касталийцев. Лазутчики, отправленные в разведку, не вернулись. Дор достал из кармана плаща письмо принцессы Дилены, отправленное правителю Истраты, внимательно перечитал его еще раз, и все сразу встало на свои места. Его охватила эйфория, как мальчишку, узнавшего что-то запретное. Герцог нервно прошелся по зале, размышляя, что делать дальше. Он попытался представить себе реакцию Лейфа на то, что принцесса состоит в заговоре. Пожалуй, он убьет ее на месте, и ему будет плевать на последствия. Он снова подумал о том, что ему нужны единомышленники и, чем скорее, тем лучше.

Дор приказал заложить карету. Он пытался найти Бальтазара во дворце, но его там не оказалось. Слуги сообщили ему, что Бальтазар приезжал на пару часов, но потом спешно покинул территорию. Творилось что-то странное, и герцогу хотелось выяснить, что именно. Ему было нехорошо, но он не стал обращать на это внимание. Сменил повязку, пропитавшуюся кровью, и, выпив лечебный отвар, отправился в замок Бальтазара.

По дороге ему удалось немного поспать – до того момента, как карета выехала на проселочную дорогу и стала подпрыгивать на ухабах, заставляя его содрогаться от каждого толчка. Хорошо, что замок находился не слишком далеко от дворца, и страдать герцогу пришлось недолго.

Ворота медленно открылись, и карета въехала во двор. Слуга распахнул дверцу, и Дор, прижимая руку к ране, выбрался наружу. Маска на лице стала влажной от пота. Хорошо, что ничего этого не видно.

– Господин вас ожидает? – спросил герцога слуга. Дор мотнул головой и стал подниматься на крыльцо.

Переступив порог, Дор оказался в мрачном холодном помещении. По коже побежал озноб. Он прошел в просторную комнату и увидел там Бальтазара, лежащего на диване с бокалом в руках.

– Ты что-то рано... – не оборачиваясь к вошедшему, проговорил Бальтазар. – Соскучился?

– А надо было?

Бальтазар резко вскочил и уставился на герцога. Смущение быстро сменилось растерянной улыбкой, которая тут же померкла.

– Что ты здесь делаешь? – спросил он, ставя бокал на столик возле дивана.

– Нам надо поговорить, – ответил Дор, упершись руками в спинку стула.

– Я впечатлен этим вступлением, – хмуро произнес Бальтазар, проводя рукой по своим белокурым волосам. – Мне сказали, что ты серьезно ранен...

– Я хочу попросить прощения за то, как вел себя с тобой, – оборвал его Дор. – Я видел, как ты переживаешь за Мину, мечешься в ее поисках, хотя знал, что она уже мертва.

Дор заметил, как Бальтазар сжал кулаки. Герцог сделал глубокий вдох и продолжил:

– Это было мерзко с моей стороны.

– Ты защищал свою ведьму, – с ненавистью проговорил Бальтазар и, взяв со стола бокал с вином, сделал глоток.

– Нет, у меня не было нужды защищать Кордию, потому что она не убивала Мину. Ее убил Лейф, – сказал Дор, еще крепче вцепившись в спинку стула. Лицо Бальтазара осталось непроницаемым после его слов, только мертвенная бледность разлилась по коже. – После того как на него напали, Мариан ослабил его защиту и ночью он пришел к Кордии. Потребовал, чтобы Мина ушла, а она не осмелилась второй раз за день ослушаться моего приказа и оставить Кордию од-

ну. Тогда Лейф ударил ее вазой по голове. Она умерла мгновенно.

– Ты уверен, что твоя ведьма тебе не солгала? – тихо спросил Бальтазар.

– Да. Мариан подтвердил ее слова.

– Что помешало тебе сразу быть честным со мной сразу?

– Я боялся, что ты убьешь Лейфа и весь наш план канет в бездну.

– Правильно боялся! Именно это я и сделаю, – глухо проговорил бывший разбойник.

Послышался хруст, и Дор увидел, как Бальтазар с такой силой сжал бокал, что тот треснул. Осколки впились ему в кожу, и кровь закапала на пол. Бальтазар меланхолично раскрыл ладонь и окровавленные стекла с гулким звуком упали вниз.

– Это ты похоронил Мину? – спросил Бальтазар, и Дор заметил, что тот дрожит всем телом. Герцог кивнул. – Я так и подумал, что это сделал какой-то недотепа... Собаки нашли ее и раскопали могилу.

– Мне жаль, что так вышло.

– Лейф, значит... – задумчиво протянул Бальтазар. Воздух наполнился запахом железа и сырости. Кровь бывшего разбойника продолжила капать на пол. – У нас с ним старые счеты.

– Я не знал, что вы знакомы.

– Он убил моих друзей. У меня есть подозрение, что год

назад, когда я попал за решетку, тут тоже постарался Лейф. И теперь я убью его. – Бальтазар произнес это так спокойно, что Дору стало не по себе. – Ты садись, ваше высочество, а то выглядишь не очень.

Дор тяжело опустился на стул и потер рукой лицо, словно хотел стереть с него усталость. Послышался шум, и в помещение широкими шагами вошел Оскар. Увидев герцога, он замер и вопросительно посмотрел на Бальтазара. Что за дела у этих двоих? Прежде он не замечал, чтобы они были друзьями.

– Кажется, я не вовремя, – сказал Оскар.

– Напротив, ты до тошноты пунктуален, – хрипло произнес Бальтазар, рассматривая израненные ладони.

– Что он здесь делает? – кивнув в сторону Дора, словно тот был предметом интерьера, сурово спросил Оскар.

– Личный разговор, – ответил Бальтазар и достал бутылку вина. – Будешь?

– Как только мы останемся вдвоем, – надменно ответил Оскар, стягивая перчатки. Он демонстративно игнорировал Дора, словно надеялся, что его пренебрежение разобьет тому сердце.

– Прошу прощения, что вклинился в ваше свидание, – сказал Дор, – но мой разговор с Бальтазаром еще не закончен.

– Ты ему доверяешь, Бальт? – спросил Оскар и с презрением посмотрел на герцога. Дора царапнуло такое панибрат-

ское отношение.

– Да, – выждав небольшую, но заметную паузу, ответил Бальтазар, даже не посмотрев на Дора.

– Хорошо, – равнодушно сказал Оскар и, сбросив плащ, опустился на диван. – Он тоже твой союзник? Тебе не кажется, что ты слишком разбрасываешься своим доверием?

– А тебе не кажется, что ты оцениваешь меня со стороны своего опыта? – тут же парировал Бальтазар. – И это несколько однобоко.

– Ваши препирательства, конечно, очень милые, но советую не забывать о зрителе, – сказал Дор. Оскар поморщился и потер руками щеки. Бальтазар ничего не ответил, вытаскивая из ладони кусочки стекла. – Он может домыслить сюжет вашей перепалки по-своему.

– О чем ты еще хотел поговорить, Дор? – сухо спросил Бальтазар.

– О будущем, – ответил герцог и, вытащив из кармана плаща пачку писем, швырнул их на стол. – Ознакомься.

– Зачитай вслух, – обращаясь к Оскару, попросил Бальтазар и этой фразой озвучил расстановку сил. Молодой барон нехотя взял несколько писем и, прокашлявшись, начал читать. Дор, подперев рукой подбородок, внимательно наблюдал за ним. Он думал о словах графини Локк. Что, если семья Оскара и впрямь не причастна к гибели его родственников и это был кто-то другой, чье имя ни разу не всплыло во время расследования или показалось незначительным? Он

столько лет жил с ощущением того, что знает, кто виноват в его потерях, и ненависть облегчала его страдание. И сейчас эта уверенность рушилась. Герцог напоминал себе, что графиня Локк – та еще обманщица и интриганка и она может манипулировать им, чтобы добиться от него того, что нужно ей. Но сердце не хотело этого слушать. Оно хотело знать правду.

– И что ты об этом думаешь? – донесся до Дора встревоженный голос Бальтазара. Он поднял голову и встретился с вопросительным взглядом хозяина замка. – Герцог, тебе совсем плохо, что ли?

– Я думаю... – начал Дор и понял, что у него пересохло во рту. – Думаю, что свадьба с Диленой лишь маневр, который был спланирован заранее, а ее попытка связаться с королем Истраты – осознание того, в какую опасную игру ее впутали и желание спастись.

– Это похоже на правду, – мрачно заметил Оскар.

– Мы должны переманить ее на свою сторону, – сказал Бальтазар.

– И что нам это даст? – пожал плечами Дор.

– Сведения о планах противника, например, – улыбнулся Бальтазар. – Ну, и можем использовать ее в своих целях.

– И ты, конечно, об этом позаботишься! – рассмеялся Оскар, откинувшись на спинку дивана. – Все знают о твоих прошлых подвигах.

– Не забываем, что Дилена не самая большая наша про-

блема, – вздохнул Дор, завидуя их беззаботному веселью. Бальтазар замотал платком раненую ладонь и посмотрел на герцога.

– Лейф мой, – напомнил он.

– И если он умрет этой ночью, то никакой свадьбы не будет, а значит, план заговорщиков тоже потерпит фиаско! – с воодушевлением проговорил Оскар.

– Дор наденет корону и выпроводит Дилену восвояси, – сказал Бальтазар и нахмурился, словно вспомнил что-то важное. – Когда ты видел Кордию в последний раз?

– В обед, а что?

– Мне нужно во дворец, – хватая со спинки стула мундир, воскликнул Бальтазар.

– Можешь объяснить, что случилось? – следуя за ним, спросил Оскар.

– Я кое-что подстроил, – ответил Бальтазар и глянул на Дора. Тому внезапно стало тяжело дышать. – И твоя сестра может серьезно пострадать.

– Если с Кордией что-нибудь случится, я тебя убью! – рявкнул Оскар и выскочил на улицу.

Дор поспешил за ними, но слабость не давала ему двигаться активно. Голова закружилась, и его повело. Он уперся рукой в стену, чтобы прийти в себя. Перед глазами потемнело, и он на ощупь сделал несколько шагов вперед.

– Мы поедем верхом, ты следом в карете! – прозвучал рядом голос Бальтазара. – Надеюсь, мы успеем!

Дор мотнул головой и, спотыкаясь, пошел вперед. Ему хотелось двигаться быстрее, но тело не подчинялось. Как во сне, он спустился к карете и приказал кучеру гнать что есть сил во дворец.

Глава 10. Отец и дочь Кордия

Кордия шла по коридору, пытаясь сообразить, где находится зал для аудиенций. Там они с Гретой должны были встретиться с военным чародеем. Но по пути туда ее служанку перехватила графиня Локк с какой-то срочной просьбой. Кордии это не понравилось, но возражать она не осмелилась. Мать Лейфа смерила ее холодным взглядом и брезгливо отвернулась. Ведьма невольно вспомнила те дни, когда знала ее как Матушку Дрю и та вела себя с ней, как подруга. Как так вышло, что она не почувствовала подвоха? Или отчаяние делало ее слепой? О чем думала эта женщина, шепча ей слова поддержки? Ведь это были мудрые слова, которые, казалось, шли от самого сердца.

Проплутав еще несколько минут, Кордия, наконец, нашла знакомые двери. Толкнула их и, войдя в залу, увидела молодого человека, который стоял, заложив руки за спину. Он внимательно рассматривал стену, на которой были изображены дронты. Услышав ее шаги, незнакомец обернулся. На нем был синий мундир с фиолетовыми нашивками, что указывало на то, что он является целителем. По его губам скользнула робкая улыбка, но он тут же спохватился, и его лицо приняло серьезное выражение. Учтиво поклонился ей, и она сделала книксен.

– Джулиан Грей к вашим услугам, – представился молодой человек. – Целитель четверного уровня, специалист по дымовым завесам.

– Что вы делаете в Шиоронии? – спросила Кордия, рассматривая Джулиана. Магия в солнечном сплетении включила свое сияние и жаром разлилась по всему телу, словно откликнулась на родственный призыв.

– Восстанавливаюсь после ранения, – сказал Джулиан. – Да, наверное, это звучит странно, что целителю требуется отпуск, чтобы выздороветь.

– Отнюдь, – возразила Кордия. – Я знаю, что целитель может выздоравливать дольше обычного человека. Своего рода компенсация.

– Да, магия не любит дисбаланса, – сказал Джулиан. – Вы ведь тоже обладаете силой? Я чувствую ее, простите за эту бестактность, но она такая яркая, что сложно ее игнорировать.

– Притворитесь, что вам это кажется, – нахмурилась Кордия. Джулиан непонимающе посмотрел на нее и, помедлив, кивнул. – Из какого вы рода?

– Целителей-плотников, – ответил Джулиан и отвел взгляд. – Служили в больницах для бедных, строили лечебницы.

– Благородный род у вас, – сказала Кордия, и Джулиан слегка покраснел. Ей подумалось, что он стесняется своего происхождения. – Почему дымовые завесы? Как вы к этому

пришли?

– Из-за того, что долго не мог научиться пользоваться магией, часто устраивал густые туманы, – улыбнулся Джулиан. – Однажды это увидел капитан отряда и сказал, что я должен практиковать это делать специально. Оказалось, то, чего я так сильно стыдился, редкий навык. Сейчас я один из лучших в этом деле, у меня даже есть ученики.

– Как интересно! Хотелось бы на это посмотреть, – с воодушевлением воскликнула Кордия.

– Прямо сейчас?

– Нет, будет лучше где-нибудь на природе, – спохватилась Кордия.

– Да, вы правы: мне не спастись, если я разрушу дворец. – Джулиан снова очаровательно улыбнулся. Кордии очень хотелось, чтобы ее спасли и избавили от этого странного собеседования. Они прошлись по зале, обсуждая погоду, а потом еще раз, и так – пока не пришла Грета. Она деловым шагом подошла к Джулиану и протянула ему руку. Тот чинно вложил свою ладонь в ее. Кордия с любопытством наблюдала, как вокруг их кистей танцуют струйки дыма, а внутри них – золотые искры, похожие на звезды.

– Хорошо, – сказала Грета, отпуская его, затем достала из кармана небольшой нож и хладнокровно полоснула себя лезвием по руке. Кордия едва сдержалась, чтобы не охнуть. Рана получилась глубокой, кровь потекла по коже, заливая служанке платье. Джулиан осторожно поднес ладонь к по-

врежденной коже, и кровь тут же остановилась, подсвеченная голубоватым светом. Заживление началось мгновенно и через пару минут от раны не осталось даже шрама.

– Потрясающе! – прошептала Кордия. Ее попытки целительства по большей части оставались неудачными. Она не могла настроиться на частоту регенерации, все время сбивалась. Ведьма вспомнила, как превратила порез на щеке в синяк, и вздохнула, поняв, сколько предстоит работы, чтобы подняться на третий уровень. Вот если бы ей немного поучиться у этого чародея... Кордия еще раз глянула на него и подумала, что сперва понаблюдает за ним, а потом, возможно, попросит дать ей несколько уроков.

– Неплохо! – громко сказала Грета, окинув Джулиана суровым взглядом. – Пожалуй, вы нам подходите.

– Пожалуй, я слышу в вашем голосе зависть! – улыбнулся Джулиан. Грета ничего не сказала. Развернулась и направилась к выходу, но прежде, чем за ней закрылась дверь, из носа целителя полилась кровь.

– Кажется, она дала вам по носу за самодовольство! – рассмеялась Кордия и протянула Джулиану платок. Она не понимала, почему Грета так сурово с ним обошлась. Ей подумалось, что они могли быть знакомы раньше и у них свои счеты.

– Я запомню, что с ней нельзя шутить, – пообещал Джулиан, приведя свой нос в порядок. Кордия сделала книксен и направилась к выходу. Ей пришла в голову идея, и она за-

хотела ее немедленно осуществить.

Найти Леона Бартона оказалось не так сложно, как предположила Кордия. Слуги сказали, что проводили его утром в королевскую оранжерею и он до сих пор оттуда не вернулся. Даже здесь он не изменял своим слабостям: – продолжал исследовать растения. Он был одержим ими, что в свое время пугало девушку и заставляло считать юношу странным и скучным. Его комната была завалена книгами с описанием редких цветов и трав. В каждой книге находились засушенная травинка, листик или цветок, а порой и все сразу. Увлечение сына совершенно не радовало его отца, Стефана Бартона, мечтавшего видеть в нем видного политика и своего приемника. Политик из Леона не получался: он мгновенно тупел, начинал краснеть и нести чушь, отчего отец испытывал дикий стыд за его поведение. Отчаянно пытаясь угодить, он выглядел еще более нелепо.

Войдя в оранжерею, Кордия сразу увидела Леона. Он стоял на коленях возле невзрачного цветка с тонкими грязно-зелеными листьями, похожими на иглы, наверняка что-то очень редкое. Только занявшись магией, она поняла, как могли бы ей быть пригодиться знания Леона, и часто вспоминала о нем.

– Леон! – тихо позвала Кордия. Молодой человек вздрогнул и обернулся. Недоверчиво захлопал глазами и неуклюже поднялся на ноги.

– Никандра... – шагнув к ней, проговорил Леон. Сгреб ее в охапку, прижимаясь щекой к ее скуле. От него пахло землей и осенними листьями. Кордия осторожно обняла его в ответ. Они вместе выросли, Леон был старше ее на пару лет. Он часто искал ее общества, чтобы рассказать что-то новое о растениях, а она изобретала причины, чтобы сбежать от него. Однажды Леон поцеловал ее. Это было так робко и скромканно, что Кордия растерялась и ответила. За этим делом их застал учитель танцев, и поцелуй стал главным событием недели. Кордии пришлось долго объясняться с отцом, который так и не поверил, что между ними ничего нет. – Я так рад, что ты жива!

– И я этому рада, – отстраняясь, сказала Кордия. Леон тут же схватил ее за запястья, словно боясь, что она снова исчезнет. – Я часто вспоминала тебя и наши разговоры.

– Правда? – Леон просиял, и его губы растянулись в улыбке. Кордия кивнула. Он еще раз порывисто ее обнял и снова переключился на цветок, которым был занят до ее прихода. – Знаешь, что это? Полночная фея. Она цветет один раз в семь лет и делает это только в полночь. Не каждому повезет увидеть этот прекрасный момент, но те, кому выпадет такая возможность, никогда этого не забудут!

– Она цветет как-то особенно? – спросила Кордия, присев возле цветка.

– Ходят легенды, что она связана с магией, – понизив голос, прошептал Леон. Его длинные светлые волосы растре-

пались, черная лента сползла вниз. В серо-голубых глазах был детский восторг, словно он нашел сокровище. – Можно получить шанс на исцеление или снять проклятие, развеять любовные чары.

– Ты знаешь, когда он зацветет? – с надеждой спросила Кордия, хотя она сильно сомневалась в том, что все может быть так просто. Обычно магия так не работала.

– Нет, никто не может этого знать! – рассмеялся Леон. – Иначе это было бы слишком просто. Нужно наблюдать. Давать ему свое внимание. И если цветок сочтет тебя достойным, то позволит увидеть его цветение.

– А если ты не достоин, но тебе очень надо?

– Тогда придется постараться, чтобы добиться уважения! – ответил Леон и потащил Кордию к другому цветку – скромному, неприметного синего цвета, на толстом темно-зеленом стебле. – Это Синегубка Злая. Если растереть ее листья в порошок и смешать с вином, а потом дать понюхать человеку, он забудет обо всем, что было за час до этого... ну, может, за полтора, точно никто не знает.

– Хороший цветок. Полезный, – улыбнулась Кордия, стараясь запомнить, как выглядит растение.

– Твой отец запретил мне с тобой встречаться, – выпрямляясь, сказал Леон. – Боится, что я попаду под твое дурное влияние.

– Моя самооценка сейчас взлетела до небес.

Леон рассмеялся и обнял Кордию. Нервно провел рукой

по ее волосам и неуклюже чмокнул в лоб.

– Он поздно спохватился, я уже давно под твоими чарами, – протараторил Леон, явно смутившись от своего душевного порыва. – Но я всегда знал, что тебе нравится Лейф, так что... Я видел, как вы смотрите друг на друга. Я, конечно, очень расстроился, когда ты сбежала, но понимал, почему ты так поступила.

– Мне, вот, интересно, как бы сложилась моя жизнь, если бы я этого не сделала, – задумчиво проговорила Кордия.

– Скорее всего, ты бы сейчас выходила замуж за Дамьяна.

– То есть, жизнь все равно бы привела в Аталаксию, – усмехнулась Кордия, и они с Леоном двинулись по узкой дорожке. От запаха зелени и цветов у нее кружилась голова, и ей хотелось выйти на свежий воздух. – Как дела в Кассии?

Леон отвел в сторону взгляд и посмотрел себе под ноги. Покусал губы, словно это могло его успокоить.

– Ты ведь знаешь, что твоя мать сейчас в Доме Света? – с надеждой в голосе произнес Леон, словно боялся, что сейчас открыл самую страшную тайну. Его трусость всегда вызывала у Кордии негодование.

– Да, отец рассказал мне, – спокойно ответила Кордия, глядя перед собой.

– И как ты приняла то, что они теперь в разводе? – спросил Леон, замедлив шаг. Кордия непонимающе посмотрела на своего спутника.

– При чем здесь развод? – Леон нахмурился и снова поже-

вал губы.

– Год назад первый лорд издал указ, что, если один из супругов попадет в Дом Света и проведет там больше трех недель, его брак автоматически расторгается, потому что не стоит хорошему человеку быть связанным узами с тем, кто преступил закон, – с важным видом просветил он Кордию.

– Сколько же это ложных доносов спровоцировало! – проворчала Кордия. Леон, похоже, не расслышал этих слов, а ведьма подумала о том, как давно отец составил план по изменению личной жизни. Создал указ, подвел под него маму, и все с одной целью: – найти себе другую жену и родить новых детей. А может быть, и не только. Что за игру он затеял? Теперь она начала сомневаться в том, что мама оказалась в Доме Света из-за нее. Скорее всего, отец все так специально обставил, а ей преподнес так, чтобы она почувствовала себя виноватой. Эта мысль не особо ее утешила, потому что мать все равно оставалась в заключении, и с этим надо было что-то делать

– Ты ведь вернешься с отцом в Кассию? – спросил Леон.

– Да, конечно, – рассеянно ответила Кордия. – Ты ведь знаешь о его планах, Леон? Что собирается сделать первый лорд?

Леон остановился и посмотрел по сторонам, словно искал шпионов, прячущихся среди цветов.

– Я не могу с тобой об этом говорить, – сказал Леон, понизив голос. – Не хочу, чтобы твой отец потом оторвал мне

голову.

– Думаешь, я побегу к нему, визжа от радости, что ты со мной секретами поделился? – рассмеялась Кордия. Ее самолюбие было задето, хотя она не ожидала, что Леон будет с ней откровенничать.

– Нет, но я ведь обещал ему. Пойми, ты сбежала, и у тебя теперь другая жизнь и другие ценности. Я, правда, очень рад, что ты жива и мы снова увиделись, но сейчас мы по разные стороны баррикад.

– Ты сам так думаешь или повторяешь чужие слова?

Леон на мгновение стушевался, и Кордия поняла, что права: он говорит то, что ему внушили. Если бы это были его убеждения, она бы отнеслась к ним с понимаем и уважением, но видела, что своего мнения у него нет. Ее охватило нехорошее предчувствие.

– Спасибо, что рассказал мне про такие интересные цветы, – сказала Кордия. – До свидания, Леон.

Леон хотел что-то возразить, но Кордия развернулась и двинулась к выходу из оранжереи.

Кордия налила себе стакан воды и тут же осушила его. Холодная жидкость прокатилась по пищеводу, приводя ее в чувство. Она посмотрела на свои кривые пальцы. Как выглядят сейчас мамины руки? Через что ей пришлось пройти,

оказавшись в Доме Света? Ведьма зажмурилась, боясь представить себе это. Шрамы на спине заныли, будто вторя ее душевной боли.

Войдя в лабораторию Мариана, она взмахом руки зажгла все свечи. Пламя мягко зашуршало, бросая тени по стенам. Кордия бросила щепотку розовой пыли в огонь, и дым тут же взвился вверх. В нос ударил знакомый запах. Она взяла в руки колоду карт и, быстро перетасовав, вытащила наугад три.

– Виселица, Колесница и Башня, – прошептала Кордия, жадно вглядываясь в рисунки. Достала две дополнительные карты – Рыцарь Мечей и Смерть. Ворон спланировал вниз и вцепился когтями Кордии в плечо. Она охнула, но не прогнала его.

– Кар-р! Кар-р! – проорал ей в ухо ворон, перебирая лапками.

– Я что-то упускаю? – спросила Кордия, повернувшись к птице. Та pokrутила головой и ее глаз сверкнул красным отливом. – Не понимаю...

Она перетасовала колоду и ее отложила в сторону. Снова бросила щепотку трав в огонь и сосредоточилась на Шаре Возможностей. Она хотела знать все о будущем первой леди Кассии. От страха она ощущала холод в животе, но все же запретила себе отвлекаться на чувства. Если она позволит себе быть слабой, то снова проиграет. А сейчас это нельзя допустить.

Шар подернулся дымкой. Медленно рассеиваясь, она обнажила высокие шпили зданий, стоявших возле центральной площади Кассии. Внезапно картинка сменилась и Кордия увидела Кассиопея, стоящего с бокалом вина возле окна с видом на ту самую площадь. Дверь распахнулась, и она поняла, что чародей находится в кабинете отца. Он обернулся на звук и увидел Раданеллу. На ней было простое белое платье, подпоясанное красным поясом, белокурые волосы, распущены. Первая леди выглядела спокойно и двигалась с чувством собственного достоинства, как истинная королева. Кассиопей поставил бокал на стол и поклонился ей, а потом подошел к ней и, взяв ее руку, припал к ней губами. Картинка дернулась и рассыпалась.

– Что вообще происходит? – пробормотала Кордия. В голове пронеслась мысль, которая ее смутила: а что если Кассиопей ее отец? Чувства, которые вызывал в ней этот мужчина, были странными – глубокими, темными, пугающими, словно они связаны кровью и магией, а еще чем-то греховным. И это был не зов плоти с отголоском запретной страсти, нет. Ей не удалось объяснить себе, что именно она чувствует к чародею. Кордия вспомнила свой разговор с Таликой. Та сказала, что она Омари по отцу, но имела ли она в виду Лорена?

Кордия поднялась и нервно прошлась по лаборатории. Она пыталась понять видение. Кассиопей сейчас рядом с мамой? Или это эпизод из будущего? Ведь чародей не может

попасть на территорию Касталии... Или все-таки может? Ведьма тихо простонала и потерла пальцами виски. Ей нужно как можно скорее попасть в Кассию, одной, без отца. Для путешествия ей нужны деньги, которых у нее не было. Ладно, их можно было и украсть, а вот с документами на въезд все гораздо сложнее. У нее нет клейма принадлежности, она будет чужачкой, которая не сможет пройти тест и, едва ступив на землю Касталии, отправится либо назад, либо в Дом Света, если только... Идея показалась Кордии абсурдной, но воодушевляющей. Миг эйфории сменился суровой реальностью: – одна она там ничего не сможет сделать. Ей нужно срочно увидеться с братьями. В глубине души ведьма сомневалась, что те поддержат ее идею, но она должна попробовать убедить их. Она выбежала из лаборатории и, схватив плащ, выскользнула из покоев.

Во дворце было тихо и пустынно. Кордия выглянула с балкона во двор – никого. И это хорошо: никто не заметит ее исчезновения. До наступления темноты она успеет добраться до дома, где живет Августин и, останется там на ночь. Ее радовало, что ее больше никто не контролирует и она свободна в своих передвижениях.

Увидев в коридоре отца, Кордия невольно замедлила шаг. Меньше всего на свете ей хотелось сейчас с ним разговаривать, но деться было некуда. Поравнявшись с ней, отец схватил ее за запястье и увлек за собой.

– Что случилось? – спросила Кордия. Наступив на край

платья, она споткнулась и едва не упала. Лорен рывком заставил ее удержаться на ногах. Он посмотрел на нее с такой ненавистью, что ей стало страшно.

– Ты знаешь, – холодно сказал он и потащил ее за собой.

– Нет! – упираясь, что есть сил, крикнула Кордия. Теперь она жалела, что в коридоре так пустынно. – Папа, давай поговорим спокойно!

– Нам не о чем говорить, – равнодушно сказал Лорен, подталкивая ее к лестнице. – Спускайся. Без фокусов.

– Куда ты меня ведешь? – прошептала Кордия, чувствуя себя обреченной.

– Катаясь верхом, я увидел чудесное озеро, – вплотную подойдя к ней, проговорил Лорен. – Хочу, чтобы ты тоже посмотрела на него.

Прежде чем Кордия успела что-то сказать, Лорен закрыл ей рот платком, от которого исходил сладковатый аромат. Перед глазами все завертелось, и ведьма потеряла сознание.

Когда Кордия открыла глаза, ей показалось, что она на корабле. Ее трясло, и она качалась, как на волнах. А еще ей было холодно. Озноб быстро привел ее в чувство и прогнал тяжесть дурмана. Она поняла, что едет в карете. Кроме нее в ней никого не было. Руки были связаны за спиной. От тугого кляпа болел рот и было тяжело дышать. Выглянув в окно,

Кордия поняла, что они едут через лес, к тому самому озеру, где она проходила обряд второго рождения – они как раз проезжали столб с указателем. Неужели ему кто-то сказал об этом? Ее охватила паника, спина покрылась липким потом. Кордия попыталась освободить руки, но у нее не вышло. Веревки лишь еще сильнее врезались ей в кожу, рассекая ее. Она почувствовала, как по коже бежит кровь.

Кордия сползла со скамейки вниз и попробовала перетереть веревки о край скамейки. Она задышалась, в ушах звенело. Отец знает, что она ведьма, и хочет убить ее. Зная правду, он не допустит ее возвращения в Кассию. Дочь-ведьма, рожденная у борца с магией, – что может быть позорней? Злость и отчаяние придавали ей силы. Она старалась активнее двигать руками, веревки уже начали поддаваться, нужно было еще чуть-чуть постараться, и можно освободиться!

Карета остановилась и Кордия упала лицом вперед. Она больно ударилась лбом, и только кляп помешал ей простонать. Дверца резко открылась, и она увидела отца. Он схватил ее за плечи выволоч наружу. Холодный воздух обжег ее воспаленную кожу. Лорен обхватив девушку за плечи и повел ее к озеру.

Кордия мысленно призывала магию, чтобы та помогла ей освободить руки, вливала ее силу в веревки, представляя себе, как они превращаются в труху, но магия не желала подчиняться ей. От мысли, что ее жизнь сейчас оборвется, Кордию начала бить дрожь. Поскользнувшись на грязной тро-

пинке, она упала на колени. Отец отпустил девушку и встал напротив нее. Он смотрел на дочь с таким презрением, что ей стало стыдно за свое существование. По лицу градом текли слезы, оставляя на губах соленый вкус. Увидев, что Лорен вытащил из ножен кинжал, Кордия вздрогнула. Веревки от движения впились в кожу, и она решила попробовать в последний раз освободиться от них. Щелкнула, как смогла пальцами, представляя, как пламя охватывает веревки. Боль обожгла ей кожу. Кляп не дал ей закричать. Огонь погас, и ее запястья, покрытые ожогами, стали свободными.

Отец подошел к ней и вытащил кляп. Кордия жадно вдохнула. Его ногти случайно царапнули ей щеку. Она подняла голову и посмотрела на Первого лорда. В его глазах не было ни капли сочувствия или жалости, только неприязнь, словно она – склизкое чудовище, случайно испачкавшее его парадный камзол.

– Вот и все, – сказал Лорен. – Прощайся с жизнью, Кордия Роса.

– Кто тебе сказал? – выдохнула Кордия и на короткий миг испытала облегчение: – ей ненужно больше лгать.

– Слуга доставил посылку с твоим делом. Акты допросов и испытаний. – Уголок рта Лорена дернулся, будто ему было больно вспоминать об этом. Кордия подумала, что Бальтазар сдержал свое слово уничтожить ее. В том, что это его рук дело, у нее сомнений не было. – И сейчас, глядя на тебя, я снова убеждаюсь, что магия – это зло, и я на правильном

пути, стремясь уничтожить ее.

– Это был несчастный случай. Я не хотела никого убивать!

– А это не имеет значения.

– Имеет! Ты сейчас хочешь убить меня, потому что это твой выбор! Ты не используешь магию, но творишь зло! – срывающимся голосом сказала Кордия. Она хотела встать, но отец не позволил ей это сделать, крепко сжав плечо.

– Я освобождаю мир от таких, как ты.

– Ты такой же, как я! Потому что я – твоё продолжение. Ты – потомок Омари, а значит, магия живет в тебе, так же, как и во мне! – крикнула Кордия, и Лорен ударил ее по лицу. Она инстинктивно дернулась назад, но тут же с вызовом посмотрела на отца. – Сколько бы ты ее ни отрицал, ты не сможешь убежать от правды.

– Магия убила мою семью, – сквозь зубы процедил Лорен, и схватив Кордию за волосы, заставил смотреть ему в глаза. – Мой дядя был честолюбивым и жадным, стремился к власти. Он владел силой, но ему этого было недостаточно, ему хотелось большего. Мой же отец относился к магии равнодушно, иногда использовал в хозяйстве, да и только. У меня было три брата и две сестры, мы были очень дружны. Мать и отец любили друг друга. Да, мы не были богаты и влиятельны, но никто из родителей к этому не стремился. Их устраивала наша жизнь. А потом мой дядя... Ему все это было необходимо, но для этого мы должны были умереть. И тогда он использовал магию, чтобы внушить отцу убить всех нас. Я ви-

дел, как умирала моя семья, видел, как ломало отца, когда он делал это, но не мог справиться с собой. Он хотел убить себя, но не мог: – магия не позволила ему этого.

Лорен замолчал, и Кордия услышала, как бешено стучит его сердце, как жар волнами исходит от его тела, несмотря на ночной холод. Она почувствовала весь ужас, который отец пережил, будучи маленьким мальчиком и который навсегда остался в его сердце. Подкожный страх, что кто-то сломает его волю и подчинит себе, заставив причинить зло.

– Ты боишься не магии, – прошептала Кордия, – а собственной уязвимости.

– Замолчи!

– Твой дядя решил уничтожить вас из-за жажды власти. Причиной могли быть деньги, имущество, любовь, все что угодно. Дело только в человеческих желаниях, а не в магии, – прошептала Кордия. – Да, он использовал ее для убийства, но что бы изменилось, если бы он прислал убийц? Если бы сделал это своими руками?

– Ты не знаешь, о чем говоришь!

– Что случилось с твоим дядей потом?

– А ты как думаешь? – Лорен сверкнул белозубой улыбкой. – Я был единственным, в ком не было магии. Я был пуст, как разбитый кувшин и это спасло мне жизнь. Я нашел этого ублюдка и запер его в темнице. Он платил мне за свое преступление ежедневно много лет. Я испытывал на нем яды, орудия пыток, ведьмин чай и, он не мог противостоять мне.

Его власть, как глаза и руки, была утеряна. Это было долгое удовольствие, которое однажды мне наскучило, и я перерезал ему горло. Когда его кровь брызнула мне на ботинки, я понял, что освободился.

– Ты обманул себя, отец. Ты все еще в плену ненависти и страха, – сказала Кордия, и Лорен оттолкнул ее от себя. – Иначе ты не хотел бы меня уничтожить! Но все это – проклятие родной крови. Мы прокляты и следуем этой установке, сделанной чародеем Аскалоном. Это игра проклятий. Если ты убьешь меня, ничего не изменится.

– Мне надоело, что ты тянешь время, – сказал Лорен и рывком поднял Кордию на ноги. – Ждешь, что твой прекрасный Лейф прибежит спасти тебя? Зря.

– Дела Его Величества меня не касаются, – стараясь сохранить достоинство, сказала Кордия. Ее платье было заляпано грязью, ноги промокли. Она продолжала держать руки за спиной, чтобы отец не заметил, что веревок больше нет.

– Я всегда знал, что у этого парня большой потенциал! – рассмеялся Лорен. – Этот нахал умеет держать лицо. Жаль, что ему это не поможет.

– Почему сейчас? Почему ты не убьешь меня после свадьбы короля? Мое отсутствие заметят, и будут вопросы! – быстро проговорила Кордия. У нее звенело в ушах, тело казалось слабым и безвольным, словно его набили сеном.

– Сильно я в этом сомневаюсь! Завтра твоим друзьям будет так весело, что они даже имени твоего не вспомнят, –

сказал Лорен. – И я не хочу, чтобы живая наследница, такая, как ты, испортила мне этот день. Прощай, Никандра Андре-са.

Кордия нервно сглотнула, когда отец занес над ней руку с кинжалом.. Выбросив руку вперед, она выбила оружие из пальцев Лорена и бросилась бежать. Сильный толчок в спину заставил ее упасть лицом в жухлую и мокрую от дождей листву.

– На этот раз удача не на твоей стороне, – сказал Лорен, рывком поднимая Кордию на ноги. Он развернул ее к себе, и их взгляды встретились. – Тебе же будет лучше, если смиришься.

– Никогда, слышишь?! – прохрипела Кордия. Она с силой ударила его ногой по колену и отпихнула от себя. Ей бы только добежать до кареты и, забравшись на место кучера, подстегнуть лошадей и убраться из этого места. Вряд ли отец на своих двоих сможет догнать ее. По пути к своей цели она дважды поскользнулась и упала, что отняло у нее время, а Лорену дало возможность восстановиться и броситься за ней. Он толкнул ее к карете, и она ударилась спиной о дверцу. Не успела опомниться, как лезвие кинжала оказалось у горла, плавно рассекая кожу. Кордии показалось, что она оглохла от собственного пульса. Она не чувствовала страха, только горькую досаду от того, что ее жизнь закачивается так. Ей не хотелось опуститься до мольбы, она знала, что это бесполезно. Слезы снова подступили к глазам, поэтому она не сразу

поняла, что произошло. Отец издал глухой рык и убрал кинжал от горла дочери. Охнув, он сложился пополам и Кордия увидела, что из спины у него торчит рукоятка ножа. Она подняла голову и увидела Оскара, который быстрыми шагами шел к ней. Не успела она опомниться, как он уже обнимал ее за плечи и о чем-то спрашивал. Кордия чувствовала его теплые пальцы, видела страх в глазах, таких же холодных, как у их отца, и не могла поверить, что все позади.

– Ты убил его... – одними губами произнесла Кордия, глядя на брата. И в памяти пронеслось видение в Шаре Возможностей. У нее подкосились ноги, и она едва не упала.

– Ранил, – коротко сказал Оскар и на мгновение обернулся.

– У него не было выбора, – донесся до Кордии знакомый голос и из-за кареты вынырнул Дор. От запаха грозы у нее зашипало в носу, и захотелось чихнуть. – Либо ты, либо твой отец.

Оскар снял с себя плащ и набросил ей на плечи. Только ощутив тепло, которое ткань сохранила от его тела, Кордия поняла, как сильно замерзла. Набравшись смелости, она перевела взгляд на отца, который сидел на земле. К нему подошел Бальтазар и осторожно вытащил нож из раны.

– А он что здесь делает? – удивленно спросила Кордия.

– Ну если бы не он, мы бы не знали, что тебя надо спасать, – сказал Дор.

– Ага, и если бы не он, ничего бы этого не случилось! – зло

сказал Оскар и двинулся к Бальтазару. Лорен отказался от его помощи и, шатаясь двинулся к карете. Кордия открыла ему дверцу и отошла в сторону. Он прошел мимо, не взглянув на нее, сел на скамейку и прикрыл глаза. Ей хотелось помочь ему, сделать перевязку, остановить кровотечение, но она не шелохнулась.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил ее Дор. Кордия вздрогнула и повернулась к нему. Он стоял, привалившись плечом к дереву, словно ноги с трудом держали его. Ей вдруг до дрожи захотелось броситься к нему на грудь и разрыдаться. Может быть, тогда бы ей стало легче.

– Живой, – сказала Кордия и провела пальцами по ране на шее. На них остались капли крови. – Как вы нашли меня?

– Новый военный чародей помог, – ответил Дор. – Парень оказался на редкость хорош. Заметил, что тебя увез Лорен, и сумел по твоей расческе понять, куда.

«И правда, хорош», – подумала Кордия. Если так и дальше пойдет, они очень скоро забудут о Мариане. От этой мысли ей стало тоскливо. Она скучала по чародею.

– Скорее по волосам на ней, – машинально уточнила Кордия и перевела взгляд на Оскара, который о чем-то спорил с Бальтазаром. Оба были взвинчены, и прежде, чем она успела понять, о чем они говорят, ее брат с силой заехал генералу королевского сыска в челюсть. Тот не остался в долгу и ударил Оскара в грудь. Мотнув головой, брат бросился на Бальтазара, схватил его за плечи и повалил на землю. Кор-

дия закричала.

Грета приготовила Кордии ванну, и ведьма с удовольствием погрузилась в горячую воду, от которой пахло розами и чем-то сладким. Этот запах расслаблял и убаюкивал. Кордия закрыла глаза и позволила себе провалиться в легкую дремоту. Ей все еще было холодно, а мышцы неприятно ломило. Будет досадно, если она заболела. В памяти всплывали обрывки из последнего разговора с Лореном, и сердце тут же начинало колотиться быстрее. Она пожалела, что не спросила его о том, что стало с его отцом. У нее была смутная догадка на этот счет, но она была слишком болезненной, чтобы принять ее без доказательств. Когда они приехали во дворец, Бальтазар, изрядно потрепанный в драке с Оскаром, но не потерявший своего очарования, проводил Лорена в покои и проследил, чтобы его осмотрел лекарь. Первый лорд пытался демонстративно отказаться от помощи, но боль и слабость от потери крови заставили его смириться. После того, что случилось у озера, Кордия не обмолвилась с ним ни словом. У нее было ощущение, что он для нее умер.

Грета помогла ей выбраться из ванны и закутала в теплый халат из мягкой материи. Вытерла ее длинные волосы и стала их расчесывать. Эти медленные неторопливые движения привели Кордию в себя. Она встрепенулась, поняв, что слу-

жанка использовала целительную магию.

– Благодарю, Грета, – тихо проговорила она. Девушка кивнула и продолжила заниматься ее волосами. Рана на шее начала медленно затягиваться и чесаться. В дверь постучали, и вслед за стуком прозвучал голос Бальтазара.

– Я могу войти?

– Зачем? – вырвалось у Кордии.

– Нам надо поговорить, – уже входя в покои, сказал Бальтазар. Вот наглец! После драки с Оскаром он выглядел неважно, но Кордии не было его жаль. Он перевел взгляд на Грету, и ведьме показалось, что служанка напряглась. – А меня полечить не хочешь?

– Обойдешься, – сухо ответила Грета и поджала губы. Бальтазар лишь усмехнулся в ответ. Служанка вздернула подбородок и отошла в сторону, позволяя Кордии подняться со стула.

– У тебя две минуты, – строго сказала Кордия, глядя Бальтазару в глаза.

– Оставь нас, – приказал он Грете. Кордия предпочла, чтобы служанка была рядом, но чутье подсказывало ей, что при этом разговоре ей лучше не присутствовать. Она кивнула ей, и девушка вышла. Бальтазар сунул руки в карманы жилета и медленно прошелся по покоям. – Дор расскажи мне о том, как погибла Мина.

– Поэтому ты решил помешать своему же плану? – произнесла Кордия, сжимая пальцами спинку стула.

– Я был не прав и признал это. А теперь я бы хотел услышать правду от тебя, – глядя на нее, сказал Бальтазар. Кордия обхватила себя руками. Даже в воспоминаниях ей не хотелось возвращаться в ту ночь. Мертвая Мина до сих пор стояла у нее перед глазами.

– Дор запретил Мине оставлять меня, и когда Лейф приказал ей уйти, она отказалась, – медленно произнесла Кордия. – Он рассердился, а она бросила ему: «Думаешь, я смогла забыть твое лицо»? После этого он ударил ее, и она умерла.

– Ты уверена, что Мина сказала именно это? – спросил Бальтазар. Он был бледен, под глазами залегли черные тени, и темнота смешалась с цветом вишни на разбитой скуле. Светлые волосы беспорядочно упали на лоб. Кордия задержала взгляд на вороте его белой рубашки, заляпанной кровью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.